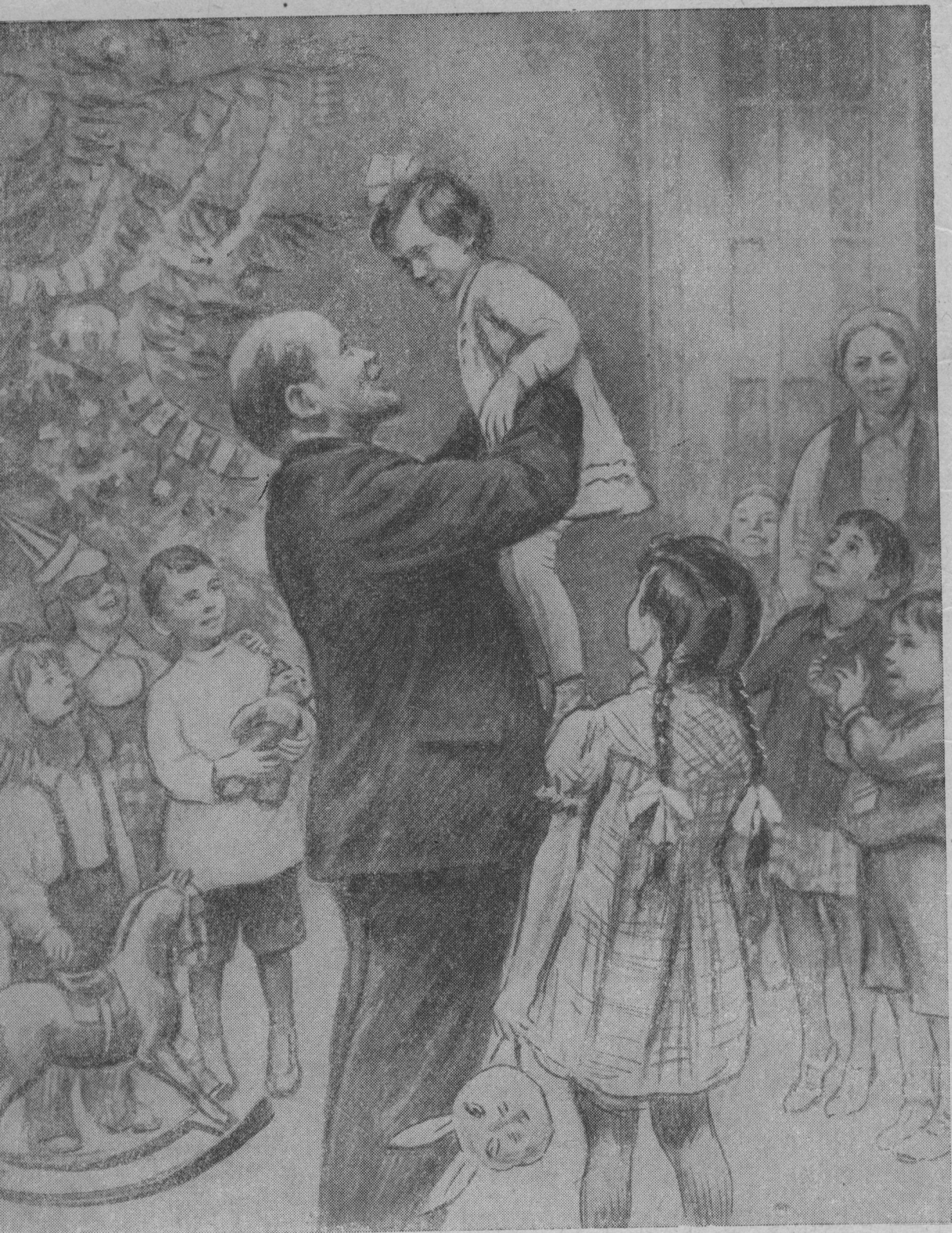

Искорка

Ёлка в Сокольниках.

Рисунок Н. Жукова

№ 12

Декабрь 1958 г.

Ежемесячное приложение к газете
пионеров и школьников
«Ленинские искры» — орган
Ленинградского Обкома и Горкома ВЛКСМ,
Областного и Городского Советов
пионерской организации имени В. И. Ленина

Мы ждём его таким!

Седая тишина.
На небе россыпь звёзд
И лунный свет
От края и до края.
Чу!.. Шорох... Что это?
Снежком скрипит мороз.
А может, Новый год
Уверенно шагает?

Что он несёт,
Что ожидает нас?
Размах труда
На ниве мирных буден?
Иль новая советская
звезда,
Что спутников других
Побольше будет?

А может быть,
Невиданный полёт
Дорогой
Межпланетных
устремлений.

И человек,
Покинув звездолёт,
На скалах Марса
начертает:
«Ленин».

Плывёт над головой
Полночная луна.
Шагает Новый год
По городам и сёлам.
Куранты бьют!..
Стряхнула снег сосна,
И смех весёлый
Вырвался из школы.

Виктор МАКСИМОВ
437-я школа

Ёлка на Командорах

ЭТО было четверть века назад. Я, тогда ещё совсем молодая учительница, только что окончившая специальные курсы при Институте народов Севера, приехала работать на остров Беринга. Вы о нём, вероятно, никогда не слышали. Но это и немудрено. Ведь остров Беринга (он относится к группе Командорских островов) расположен на самом северо-востоке страны, между Камчаткой и Аляской. На Командорах живут алеуты, небольшая народность. В Советском Союзе их немногим более трёхсот человек.

Наша новая просторная школа стояла на берегу бурного Берингова моря. Днём и ночью, летом и зимой билось море о берег. Только раз в год приходил к нам корабль с припасами. Всё остальное время лишь лёгкие лодки зверобоев, родителей тех ребят, что мы учили, прыгали по высоким, рассыпающимся валам.

В школе, в четырёх начальных классах, занималось тридцать маленьких алеутов. А учителей было двое: я да Георгий Бадаев, местный уроженец, также побывавший на учёбе в Ленинграде в Институте народов Севера.

Мы с Георгием целые дни возились с ребятами, придумывали для них разные игры.

Быстро бежали дни, и вот

уже начали мы подумывать о Новом годе.

И захотелось нам устроить для ребят настоящую, красивую ёлку, с игрушками и дедом-морозом.

Но что делать — ведь на Командорах, кроме карликовой рябины, из-за постоянных ветров не растёт ни одно дерево! Пароход, который мог бы привезти ёлку с Большой земли, придёт только летом.

Решили мы обратиться в райком партии. А там дали такой совет: соберите-ка вы родителей да потолкуйте с ними.

На собрание пришли все — и матери, и отцы, и даже те, у кого детей не было.

— Ну, — говорили, — здравствуй, Милица Ивановна. Ты звала, я пришёл. Мой сын как учится у тебя?

И если я хвалила, отец удовлетворённо кивал головой и уходил, чтобы поговорить об этом с друзьями и знакомыми. Очень любят алеуты своих детей!

Когда все собрались, Георгий Петрович поднял руку и сказал:

— Отцы! Матери! Скоро будет большой праздник. Наши русские друзья в эти дни устраивают для ребят очень красивую ёлку. Я вам сейчас расскажу, какую ёлку видел я в Ленинграде...

Он говорил, а слушатели качали головами и удивлялись.

— И ты говоришь: там настоящие золотые игрушки? — спрашивал один.

— А что такое орехи? — интересовалась другая.

А между тем Георгий Петрович уже заканчивал свою речь:

— Так вот, товарищи, давай-

те и мы сделаем такой праздник нашим ребятам!

Задумались взрослые. Положение, действительно, сложное: ёлку устроить хочется, очень хочется, а ёлки-то, самого главного, у нас и нет.

Вы, наверное, думаете, что мы доставили её на самолёте? Нет, в те годы самолётов на Севере было намного меньше, чем теперь, рейсы их тоже случались не часто и то лишь по самым важным делам...

— Я придумал! — воскликнул вдруг отец одного мальчика. — Нужно сделать ёлку самим!

— Правильно, — поддержали другие. — Почему не сделаем сами? Сделаем!

Александр Михайлович Яковлев (это он внёс такое предложение) и вызвался приготовить ёлку.

Потом начали обсуждать другой, тоже не простой вопрос: где взять ёлочные игрушки? В магазине их, конечно, не было.

Решили сами наделать игрушек.

А когда уже собрание закрылось, вдруг вскочила с места Анна Илларионовна Бадаева, жена Георгия Петровича. Она совсем вошла в азарт.

— Знаете, — говорит, — если уж делать праздник, так делать! Давайте устроимте костюмированный бал.

* * *

На территории острова расположен большой зверосовхоз. В совхозе разводят песцов, следят за стадами редких теперь морских бобров, котиков, ведут охоту на сивучей (род моржа), мор-

ских зайцев. Работы в совхозе много, и работа эта трудная, опасная и очень ответственная.

После собрания прибавилось дел и здесь. Директор обещал нам помочь, выдал деньги на премии за лучший костюм, за лучшее исполнение песни, танца и стихотворения. А кроме того, начались и всякие другие хлопоты: как обеспечить праздник электрической энергией, ведь движок-то всего один, где взять материал на ёлку, как и какой краской выкрасить лампочки для ёлки.

Александр Михайлович Яковлев и другие мужчины принялись строить ёлку — именно строить, по-другому и не скажешь.

На складе стройматериалов совхоза разыскали толстый брус дерева и вытесали из него «ствол». На стволе в разных местах просверлили дырки и в эти дырки вставили палки — «ветки». В них, в свою очередь, тоже просверлили отверстия, куда тоже вставили палки, только уже поменьше. Получилась, если не пушистая, то ветвистая ёлка. Когда же её окрасили в зелёный цвет, она стала совсем хороша.

Повсюду кипела работа. Члены комиссии, ответственные за сбор игрушек, с большими корзинами ходили от одной семьи к другой и задавали один и тот же вопрос:

— А вы что на ёлку дадите? Давали всё — и тряпочных мишек, и целлулоидных Тань, Кать, Машенок, и деревянных матрёшек, и костяных собачек, и резиновых солдатиков.

И вот наступил, наконец, день 31 декабря. Весь посёлок был в волнении.

Ещё накануне мы с Георгием Петровичем установили ёлку в самом большом помещении клуба и, плотно занавесив окна, чтобы никто ничего не увидел, украсили её.

У входа в клуб повесили большое полотнище с надписью: «Добро пожаловать!»

31 декабря вечер был морозный, но необычно тихий, как будто суровая природа решила дать нам передышку, чтобы провести этот праздник как следует.

И вот двери распахнуты, перед гостями во всём своём наряде предстала высокая сверкающая ёлка.

Разнаряженные малыши, школьники, одетые в самодельные карнавальные костюмы, да и взрослые так и замерли перед ней.

Ребята пели, плясали вокруг ёлки. Лучшие исполнители тут же получали призы — сладости, обувь, материю на платье или рубашку.

Затем состоялся конкурс на

лучший костюм. Ребята друг за другом несколько раз обошли вокруг ёлки. Специальное жюри внимательно и придирчиво рассматривало костюмы.

Тут были и ребята-зайки, и ребята-мишки, и ребята-песцы, одетые в шкурки, и алеуты, одетые по-украински, по-грузински, по-белорусски, и деды-морозы с длинными бородами, и несколько мальчиков, изображавших Новый год, и маленькие охотники с игрушечными ружьями, и злые великаны в высоких шапках, и добрые волшебники, о которых читали ребята в книгах, тут были и птицы, и рыбы, и пограничники, и лётчики...

Первый приз получил мальчик, костюм которого был очень остроумно сделан в виде домика. А сам он, черноглазый и черноволосый, весело выглядел из него, как будто из окошка.

Всём было хорошо, все были довольны. Когда ребята ушли спать, остались взрослые. И они веселились не хуже, чем дети.

Так прошла на Командорах первая ёлка. И мы — все, кто был в этот вечер в клубе, — никогда её не забудем.

КОЛХОЗАМ Челябинской области очень нужны были семена для посадки. На помощь* пришли ребята. Они собирали их, где только могли.

Второклассницу Аню Усанову так увлекло это дело, что она написала стихотворение—всего четыре строчки.

Стихотворение получилось не очень хорошим — ведь оно было самым первым! Аня стала учиться, и стихи стали получаться всё лучше и лучше. Когда юная поэтесса была уже в пятом классе, её стихотворение «У речки» было опубликовано в челябинской газете «Смена»...

Усанова работала на Ленинградском карбюраторном заводе. За штамповочным станком родились у неё первые строки стихов о труде своих товарищей по работе.

«На заводе» — так назвала поэтесса свою первую книжку.

Потом Усанова стала киномехаником.

Юные читатели, бывая в кинотеатрах «Родина», «Север», «Мир», наверное, и не подозревали, что показывает им фильм киномеханик и поэтесса Усанова.

В прошлом году вышла ещё одна книжка Анны Александровны — «Первый сад». Сейчас поэтесса работает над новыми стихами для самых юных читателей.

А. Усанова

Рисунки В. Аддеева

КРЕМЛЁВСКИЕ ЕЛИ

Не снимают ели
Зелёные шинели.
Они, как часовые,
Стоят плечом к плечу

И смотрят, чтоб метели
Не злились, не шумели,
Не заматали тропы
К родному Ильичу.

Хозяйка

Как попала на дома
Ледяная бахрома?
Как попали во дворы
Белоснежные ковры?

Украшала не лентяйка
Все дворы и все дома —
Аккуратная хозяйка,
Наша зимушка-зима!

Маскарад

Распрямился в полный рост
Храбрый зайка в пляске,
Волка серого за хвост
Дёрнул без опаски.
Зверю лютому под бок
Положил он сласти
И присел, как колобок,
Возле волчьей пасти.
Волк зубами щёлк да щёлк.
Заяц фыркнул звонко:
— Что ж бояться, если волк —
Младшая сестрёнка!

Дед-Мороз

«Бум, бум, бум...» — стучат
часы.

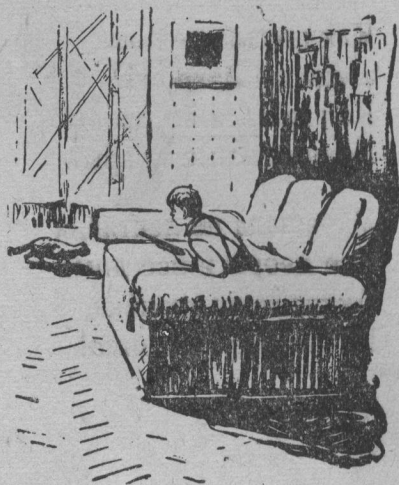
Подкрутил Мороз усы,
Расчесал он бороду
И пошёл по городу
Раздавать свой чудо-клад,
Веселить друзей-ребят!
Сыплет белая пороша,
Заметает Деду путь.
Нелегка у Деда ноша —
Помогите кто-нибудь!

«НА ГРАНИЦЕ»

На стене висит ковёр,
Не ковёр, а тёмный бор.
Пол — широкая поляна
И граница вдоль дивана.
Дождик льёт
И дует ветер.
Я один лежу в секрете.
Хрустнул рядышком сучок.
Я ни с места,
Я — молчок.
Шорох слева,
Шорох прямо.
Страшно.
Чуть не крикнул:
«Мама!»
Сердце бьётся,
      бьётся,
          бьётся.

«Тише, сердце,
Враг крадётся».
Я с поста
Не убегу.
— Руки вверх! —
Кричу врагу.

Нарушитель издаёт
«Мяу» вместо крика.
Это ж свой! Ко мне идёт
Рыжий кот Мурлыка.

Снежная баба

(Загадочная картинка А. Илючека)

Найдите ребят, которые её сделали.

Записки натуралиста

Утро в тайге

СЕРАЯ шустрая белочка выпрыгнула из дупла и, усевшись на самую верхушку лохматого кедра, лапками протёрла глазки. Густой белёсый туман волнами колыхался по деревьям. Тонкие матовые росинки, как бисер, лежали на траву, на зелёную хвою, на белых пушистый хвост. Внизу копошился неугомонный бурундук, заботливо собирая разбросанные прошлогодние орехи.

Белочке тоже захотелось орехов. Она обхватила передними лапками коричневую кедровую шишку, но шишка вырвалась и... прямо на бурундука. Бурундук от испуга фыркнул;

орехи, которые были во рту, полетели во все стороны.

Белочка потянулась за другой шишкой. Из тумана прыгнул на неё кто-то цепкий и сильный. Горластые кедровки отчаянно затахтели, увидев, как соболю моет окровавленную мордочку.

А рядом хрипло загавкал козёл. И было непонятно: то ли ветер донёс до него запах крови, то ли солнце испугало красным лучом.

Почему в Саянах падают кедр

В САЯНАХ на склонах хребта Эргак-Торгак-Тайга растут могучие кедр, нередко достигающие высоты 50—60 метров и толщины в три человеческих обхвата.

Прямоствольные, круглые, они возвышаются среди синеватых пихт и ярко-зелёных лиственниц, словно колонны из светлого лилово-розового мрамора.

Занимаясь геологической съёмкой, я очень часто встречал великанов саянской тайги поверженными.

«Почему они упали? Гроза ли виновата? Буря ли повалила?» — спрашивал я самого себя.

Однако почти все упавшие кедр, осмотренные мной, не имели следов молний. Буря, конечно, могла повалить, но в том-то и загадка — на открытых местах, где разгуливали бури, кедр стояли непреклонные, как утёсы, а вот в тихих котловинах и складках гор, куда ветры даже не заглядывали, кедр почему-то падали.

Почему?

...Это было в начале сентября. Мы вдвоём отправились в многодневный маршрут. Отошли от лагеря километров десять, как вдруг все горы заволклись непроницае-

мой кисейей мелкого дождя. Продолжать маршрут невозможно и возвращаться нельзя, так как легко можно заблудиться. Надо ждать, пока пройдёт мгlistый дождик.

Подходящего места для бивака долго не находилось. Наконец в тумане мы увидели необхватный кедр, с густой развесистой кроной. Теперь-то мы можем укрыться от непогоды!

У кедра была большая куча свежей глины и камней, а под корнями оказалась огромная, недавно вырытая пещера, в которой свободно могла лежать корова с телёнком.

«Медвежья берлога», — решили мы.

Внутри берлоги валялось несколько зелёных пихтовых веток, как будто зверь предупреждал, что квартира занята.

Дул холодный, резкий ветер, хлестал дождик, мы промокли до последней нитки. Нам нужно было где-то ночевать. Сумерки быстро сгущались. Уйти от этого кедра мы не могли, так как в темноте сбились бы с ориентировки (мы шли по компасу, измеряя расстояние шагами).

Поблизости же, как назло, росли жидкие, чахлые лиственницы, на постройку шалаша потребовалось бы много времени и сил, а мы очень устали.

Волей-неволей пришлось забраться в чужую квартиру. Натаскали в берлогу пихтовых веток, перед входом разложили жаркую надыю. Высушив бельё и напившись чаю, мы блаженно развалились на ветках. Вокруг нас шуршал дождь, завывал ветер, а в берлоге было тихо, сухо и тепло.

Толстые кедровые корни, стелившиеся почти по поверхности земли, висели над нами плотной, замысловато плетёной крышей.

Утомлённые тяжёлым маршрутом по горной тайге, мы вскоре крепко уснули. Проснулись на рассвете. Надыя еле тлела. Перед берлогой на мокрой глине чётко виднелись большущие, похожие на широкие, как бы обрубленные человеческие ступни, отпечатки медвежьих лап и рядом — маленькие. Значит, медведица приходила с медвежатами, но не стала тревожить уставших незваных гостей, а может, испугалась

геологического молотка, который, как единственное наше оружие, лежал в изголовье.

Так я узнал, почему падают в

Саянах кедр. Устраивая под ними берлоги, медведи подрывают и перегрызают корни, губя столетние великаны.

Таёжный разведчик

ЭТО было в саянской тайге. Мы поставили палатку под огромным кедром и, как всегда, развели буйный геологический костёр. Пламя неравномерно, пятнами, освещало ночную тайгу. Было немного жутковато. Над нами в горах гулко и заунывно стонал угод.

— Смотрите, — еле слышно прошептал Иван Иванович, кивком указывая на кедр, под которым стояла палатка, — разведчик появился.

Следя за нами, осторожно высывалась из-за ствола большая медвежья морда.

Иван Иванович бросил в костёр

охапку сушняка. Пламя взвилось ещё выше.

Увидев, что за ним наблюдают, медведь притаился — спрятал за ствол голову, а зад выставил далеко наружу. Это был здоровенный, бурый с проседью, зверина.

Охапка прогорела, пламя уменьшилось. Медведь снова высунил из-за кедра нос, поглядывая на нас

одним глазом. Так минут пять воровато, настороженно, с явным любопытством, видимо, впервые в жизни изучал он людей, а зад, торчащий из-за ствола, пугал нас, безоружных, громадными размерами.

Исчез медведь в темноте бесшумно, словно кошка.

Жизнь

ВОЗЛЕ горной речки, примерно 150 километров восточней Игарки, в луже после половодья остался метровый налим. Когда лужа стала не больше тележного колеса, налим пополз на шум речки. Он полз, как змея, но очень медленно, орудуя хвостом и плавниками. След его извилистой бороздой врезался в песок. На пути ему встретились валуны. Он протиснулся между ними, но, протискиваясь, глубоко рассек бока об острые угловатые выступы. За валунами его след отмечался кровавой струй-

кой. Он часто останавливался, трепыхался, разметаю хвостом гальку, и снова полз, истекая кровью. Он прополз от лужи метров десять и, не добравшись до воды метра два, свалился в вымоину. Измочалив о камни хвост так, что на нём клоками болталась кожа, он всё-таки выбрался из ямы, но прополз всего полметра и, обессиленный, застыл под лучами палящего солнца. Он лежал, изогнувшись, на брюхе, устремлённый к воде. Пенистые брызги смывали на нём кровь.

Новые приключения Аркадия Перепуткина

Хоть петь Аркадий не умел,
Но шёл Аркадий, песню пел:
«Прощайте, двойки и колы!

Пришли ка-
ни-
ку-
лы!»

Он шёл, друзья, не на урок,
Не на урок, а на каток.
Над входом в парк огни горят:

Сегодня в парке МАСКАРАД!

Наш друг спешит на огоньки.
В одной руке блещут коньки,
В другой руке — пакет,
А что внутри — секрет!
Вот он вошёл вразвалку
С пакетом в раздевалку,
А вышла (как ни странно!)
Царевна Несмеяна!
И верный пёс негромко
Ворчит на незнакомку:
— К чему такие штуки?
И сарафан и брюки!
На сарафани прятка,
Совсем как у Аркашки!
Глаза под чёрной маской!
Два банта в паре кос! —
И, отскочив с опаской,
Залаял верный пёс.

Смеётся Несмеяна
(А голос так похож!):
— Боишься сарафана?
Своих не узнаёшь?
Не твякай, как на кошку,
Сегодня маскарад!
Пойдём отыщем Гошку
И насмешим ребят.

* * *

На маскараде шум и смех,
Цветут в улыбках лица.
Вдруг видят: на виду у всех
Стоит, грустит девица.
Стоит и горько плачет.
Да что всё это значит?!

Три мушкетёра к ней тотчас
Спешат с д'Артаньяном:
— Скажите, кто обидел вас,
Царевна Несмеяна?
Мы все полны отваги
И рвёмся в дальний путь.
Готовы наши шпаги
Обидчика проткнуть!
— Порядочек, ребята! —
Царевна им в ответ. —
Мой друг удрал куда-то,
Напасть бы нам на след!
Он спрятался под маской,
Наверно, неспроста.
Но в чём он: в шляпе, в каске?
С хвостом или без хвоста?
— Так где же он? — спросил

Атос.

Вздыхнул Арамис: «Вот вопрос!»
Портос заметил строго:
— Пора, друзья, в дорогу!
Я на коньках, как на коне.
Мадемуазель, доверьтесь мне!

Но плачет без умолку
Царевна возле ёлки.

Ей добрый рыцарь Дон-Кихот
Конфетку с ветки достаёт.
— Не плачьте, о сеньора!
Ваш друг найдётся скоро.

Взволнован не на шутку,
К радисту прямо в будку
Шагает Дон-Кихот.
Захлопнул дверь. И вот
Над ледяной дорожкой
Летит в эфире бас:
— Где вы, идальго Гошка?
Царевна ищет вас!..

Царевне в утешенье
Руслан несёт печенье.

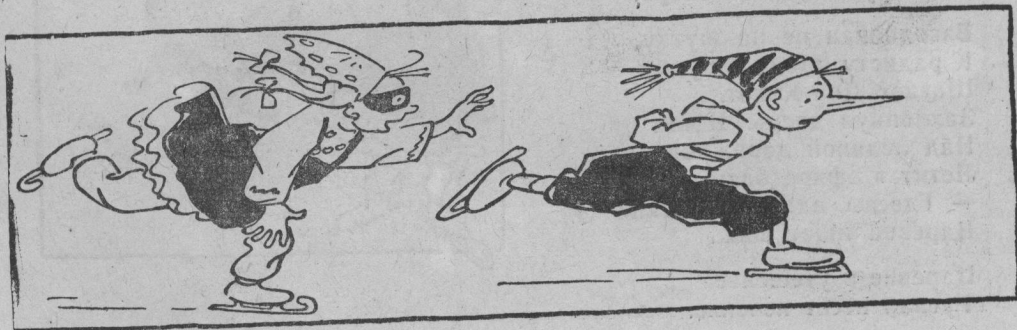

Ей дарит Чиполлино
Коробку витаминов.
И даже Карабас
Пред ней пустился в пляс.
Но плачет беспрестанно
Царевна Несмеяна,
Горючи слёзы льёт.

Бросает в огорченье
Бумажки от печенья
На гладкий чистый лёд.

Ей дядя Стёпа гневно
Кричит, бежит, грозя:
— Гражданочка царевна!
Здесь мусорить нельзя!
А Буратино едко
Смеётся из-за ветки:
— Девчонка!
Плакса-вакса!
Закрой слезопровод!
Разбрызгиваешь кляксы
И только портишь лёд! —
Снежком ударил сзади
И сразу —
Наутёк!

Таких обид Аркадий
Никак стерпеть не мог!
Все смотрят в изумлении
На странное явление:
За Буратино мчится
В кокошнике девица!

Летят по ветру косы.
Догнала вдруг и — хлоп!
Воткнула длинным носом
Обидчика в сугроб!
Вздыхает Буратино:
Стал нос сосулькой длинной...

И Компас растревожен,
И с ним стряслась беда:
Никак удрать не может
Мохнатый пёс со льда!
Теперь-то Компас знает,
Что лёд — не для собак!
Едва дополз до края
На пузе кое-как.
А два задорных братца
Из книжки «Чук и Гек»
Заставили забраться
Беднягу прямо в снег.
Взирают как-то хмуро
И за нос теребят:
— Ты где такую шкуру
Достал на маскарад?

По ледяным дорожкам
Все ищут Гошкин след.
Зовёт древняя Гошку,
А Гошки нет и нет.

Мюнхаузен царевну
Спросил: «А он каков?
Румяный или бледный?
С усами? Без усов?»

Тогда, конечно, знаю!
Пришлось однажды мне,
В июле или в мае,
Быть с Гошкой на Луне.
Там было очень жарко,
Когда пришёл сигнал
О том, что в вашем парке
Сегодня карнавал.
Тогда за лунный кратер
Цепляем мы канат
И прямо по канату
Слезаем в Ленинград.
Когда совсем не много
Осталось до Земли,
Застряли мы дорогой
В космической пыли.
Потом со шквальным ветром
Прошёл кометный град,
И надо мною в метре
Отрезало канат.
Упал бы я на горы
И мог пойти на дно,
Но зацепился шпорой
За облако одно...»

Царевна так хохочет!
 Ну прямо по-мужски!
 Как будто лопнуть хочет
 От смеха на куски.
 — Постой, — кричит, —
 немножко,

Фантазии не трать.
 Один на свете Гошка
 Так складно может врать!
 Мюнхаузен обижен
 И явно огорчён.
 Бубнит он: «Ладно, вижу,
 Что я разоблачён».
 И тут же по привычке,
 Сердясь на едкий смех,

Царевну за косички
 Он дёргает при всех.
 И косы и кокошник
 Летят на чистый лёд.
 И ошарашен Гоша,
 Разинул Гошка рот.

А в девичьем наряде,
 Смотри на всех вокруг,
 Стоит, смеясь, Аркадий —
 Весёлый Гошкин друг.
 — Вот это номер выкинул! —
 Хохочет детвора.
 Каникулы! Каникулы!
 Весёлая пора!

Зимние каникулы

Музыка М. ФЕРКЕЛЬМАНА

Кружится белой ватой
 За окнами снежок, —
 И к нам пришёл, ребята,
 Каникул зимних срон!
 За партами полгода
 Трудились дружно мы
 И заслужили отдых
 Теперь, среди зимы.

Припев:

Так пусть наша песня взлетает,
 Задорна, проста, весела, —
 Мы — дети советского края,
 И наша дорога светла!

Слова С. ФОГЕЛЬСОНА

В каникулы немало
 Для нас припасено —
 Гулянья, карнавалы,
 Театры и кино...
 А десять дней промчатся,
 Мы отдых завершим,
 И с новой силой возьмётся
 За дело поспешим!

Припев:

Так пусть наша песня взлетает,
 Задорна, проста, весела, —
 Мы — дети советского края,
 И наша дорога светла!

Ноты песни см. на 17-й странице

Зимние каникулы

Музыка М. ФЕРКЕЛЬМАНА

Слова С. ФОГЕЛЬСОНА

Бодро, весело.

f *1 Крз.* *tr*

ЖИТСЯ БЕЛОЙ ВАТОЙ ЗА ОКНАМИ СНЕЖОК, - И К НАМ ПРИШЕЛ РЕБЯТА, КА НИКУЛ ЗИМНИХ СРОК! За

Принев.

ПЯТАМИ ПОЛГО - ДА ТРУДИЛИСЬ ДРУЖНО МЫ И ЗАСЛУЖИЛИ ОТ ДЫХ ТЕПЕРЬ СРЕДИ ЗИМЫ. Так

rit *mf*

ПУСТЬ НАША ПЕСНЯ ВЗЛЕТАЕТ, ЗА - ДОР - НА ПРОСТА, ВЕ - СЕ - ЛА, - МЫ -

a tempo

ДЕ - ТИ СОВЕТ - СКОГО КРА - Я, И НА - ША ДОРО - ГА СВЕТА! Мы -

3 *f*

ДЕ - ТИ СОВЕТ - СКОГО КРА - Я, И НА - ША ДОРО - ГА СВЕТА! *в ка-у-ла!*

tr *ff*

Рассказы о прошлом

ЛЕНИНГРАДСКИЙ писатель Алексей Крутецкий написал повесть «Школа ненависти». В ней автор рассказывает о тяжёлой жизни детей рабочей окраины Петрограда в дореволюционное время. Ниже напечатаны отдельные главы из этой повести.

СЛЕЗЫ И РАДОСТЬ

МЫ неразлучные и настоящие друзья. У Кольки волосы, похожие на мочало, а маленькие серые глаза как будто говорят: «Только попробуй, тронь!». Он морщит веснушчатое лицо, нос с перхлябинкой на конце и одной ногой чешет другую. Я похож на него, только у меня побольше нос.

Мать Кольки работала на обойной фабрике Рикса, и домой приходила голубая, синяя или розовая — какие в этот день выработывали обои. Отец ушёл от них и жил где-то в другом городе.

Моя мама называлась квартирной хозяйкой, каких за заставой было много. Она снимала у домовладельца квартиру и комнаты сдавала угловым жильцам. На них она стирала бельё и готовила пищу.

Квартира у нас была во втором этаже трёхэтажного флигеля на заднем дворе. Состояла она из кухни, коридора, маленькой комнатки в одно окно и большой комнаты в два окна.

На кухне, в углу за ситцевой занавеской, жил добродушный старичок Иван Петрович. Кто-то откуда-то присылал ему деньги, и он, нигде не работая, сидел у подоконника, читал газеты.

Каждый день, в дождик и снег, Иван Петрович уходил на прогулку и всегда в разное время, иногда гулял и до ночи. Чтобы не было в кухне мусора, он свои письма, а иногда и газеты сам сжигал под плитой. Зажжёт бумажку и держит её, пока она не станет чёрной и не улетит в трубу.

В тёмном коридоре, на деревянном топчане, спал тряпичник Уткин. Мы знали его фамилию, а все остальные за заставой называли его «Копейка».

Утром, закулив огромную трубку, набитую махоркой, Уткин брал длинный железный крючок, пустой мешок и уходил кричать по дворам.

— Костей-тряп! Бутыл-бан! — Кричал он негромко, отрывисто, голосом хриплым.

Кости, тряпки Уткин, в основном, добывал сам крючком из мусорных ям. Но если ему кто-нибудь предлагал купить изношенные галоши или сапоги, он, окинув взглядом товар, произносил: «Копейка!» и шёл дальше.

В маленькой комнатке жили мы с мамой. Большая же, главная комната, с четырьмя железными кроватями по углам, и давала нам основной доход. Матушка сдавала углы одиноким рабочим, нуждаю-

щимся в обслуживании. Как она говорила: «Около которых можно кормиться». Мы и кормились. Но незадолго до революции нам так не повезло с жильцами, что мы совсем обнищали.

Тогда был заведён такой порядок: квартирная хозяйка брала продукты в мелочной лавке в долг, на книжку, и кормила, поила жильцов. В получку они рассчитывались с ней, и она отдавала долг в лавку.

Однажды, накануне получки, ночью пришли к нам какие-то трое в штатском, а у дверей квартиры поставили городского. Во всех комнатах, и даже на коридоре, они перетрясли все тряпки, ничего не нашли, но четверых жильцов из большой комнаты увели, и они не вернулись.

В мелочной лавке у Ляпкова было всё: хлеб, чай, сахар, керосин, мыло, гвозди... В углу перед иконой всегда горела лампадка.

Я любил ходить в лавку к Ляпкову вместе с матушкой. Посылала она меня за продуктами иногда и одного. На этот раз я слышал, как матушка просила:

— Подожди, ради бога. Вот ведь беда какая, четверых жильцов перед самой получкой увели, ненадёжными оказались.

— Глядеть надо хорошенько, глядеть! — строго сказал Ляпков, дал мне конфетку и погладил по голове. Долг он согласился подождать.

По Заставской и Волковской стали прокладывать канализацию. Начались большие работы. Главную нашу комнату сняла артель землекопов, пять человек.

Матушка повеселела. Я слышал, как она хвастала соседям: «Тихие, сурьёзные, не здешние заводские, а откуда-то издалека. Эти надёжные...»

Старшим в артели был Гаврил Иванович, действительно, серьёзный, пожилой, но глаза у него всё же как будто всегда улыбались. Он заказывал маме обеды и расплачивался с ней.

По вечерам, придя с работы, вымывшись, землекопы садились во-

круг стола и ждали, когда мама принесёт с кухни и поставит на стол огромную чашку щей или каши.

— Алёшка, где твоя ложка? — Гаврил Иванович громко кричал мне. Я у себя в комнате брал большую деревянную ложку, ещё раз оглядывал руки — чистые ли они — и шёл к жильцам.

При моём появлении все пятеро землекопов смеялись, раздвигали табуретки, и я садился к столу.

Землекопы часто ели рисовую кашу, посыпанную сахарным песком. Я тоже любил её и наедался до боли в животе.

Когда я начинал есть медленнее, Гаврил Иванович подбадривал меня:

— Ты не чавкай, не глотай — чаще брови подымай! — И опять все смеялись.

Маме Гаврил Иванович приказывал:

— Хозяйшкa, ты кушай, не стесняйся. Песок вот здесь! — Он указывал на мешочек с песком, стоявший на полочке.

По вечерам, перед сном, матушка вставала перед иконой. Иногда она во время молитвы обращалась ко мне и тихонько говорила:

— Вот каких людей нам господь послал! — и опять принималась молиться.

Но и на этот раз случилась беда. Кто мог подумать, что у землекопов в жестяном чайнике и в старых валенках окажутся листки против полиции, против царя!

Увели не только всех землекопов, но взяли и Ивана Петровича с кухни за то, что он будто бы жил под чужим именем.

Во время обыска на кухне полицейский толкнул Ивана Петровича, приказывая ему одеваться скорее. Иван Петрович, всегда такой любезный и добродушный, на этот раз тихо сказал:

— Крови хочешь, скотина! — И, закинув руки за спину, грудью пошёл на полицейских... Они подались в коридор, потом двое вытащили револьверы, а третий сказал:

— Мы просим вас по-человечески. — И больше они уже никого не толкали.

Матушка сильно убивалась, горько плакала. Кормиться, брать продукты у Ляпкина на книжку стало совсем невозможно. Он давал нам всё самое плохое, завалившее, а в книжку вписывал вдвое дороже. И ещё угрожал маме:

— А в долговую яму не хочешь? Долго мы с мамой так бедовали и неизвестно, чем бы это кончилось, если бы не пришла великая радость. Откуда-то издалека, из Сибири, мы получили письмо и почтовый перевод на деньги. Землекопы отдали нам долги с большой прибавкой. В письме они дарили нам всё их имущество: одеяла, подуш-

ки, сундучки, котомки с бельём. Вместе с ними там, вдалеке, был и Иван Петрович. Он подарил нам хорошее пальто, шапку, много книг, всё, что у него было в большом чемодане и лежало на кухне.

Мы с мамой поплакали от радости, умылись и пошли на почту. Получив там деньги, отправились прямо к Ляпкову.

— Сколько я вам должна? — мама стояла строгая, плотно сжав губы.

Удивлённый Ляпков пощёлкал на счётах и объявил сумму.

Мама швырнула деньги на прилавок, шагнула в сторону иконы и бросилась на колени.

— Благодарю тебя, господи, что ты вытащил меня из ямы! — она шагнула к прилавку и обратилась к Ляпкову, с любопытством смотревшему на неё.

— По миру с протянутой рукой пойду, но больше я уже не попаду к тебе в лапы! — спокойно проговорила матушка.

— Ладно! Это мы посмотрим. Возьми сдачу-то! — ухмыльнулся Ляпков, подвигая на прилавке несколько серебряных и медных монет.

— Это возьми себе на свечку! — матушка поклонилась, взяла меня за руку, и мы пошли.

Я шёл, и мне казалось, что Ляпков идёт за нами и смеётся: «Нет, вы из моих лап не вырветесь!» Руки и ноги у меня подрагивали, я чувствовал в горле застрявший ком и его невозможно было проглотить.

ТЕАТР «ФОРУМ»

В КИНЕМАТОГРАФЕ «Форум» на углу Забалканского проспекта и Заставской улицы идёт картина «Молчи, грусть, молчи» с участием Веры Холодной и Мозжухина, а у нас с Колькой ни гроша.

— Идём на Виндавку! — предлагаю я. Колька морщится, но другого способа добыть денег нет. Он идёт домой, берёт кусок хлеба, и мы отправляемся по Лиговской улице на товарную станцию Московско-Виндаво-Рыбинской железной дороги. Там всегда было много

работы — с утра и до ночи выгружали дрова. Одни выкидывали их из вагонов, другие складывали поленищами.

Работу принимал подрядчик, загорелый пожилой мужчина. На боку у него висела сумка с мелкими деньгами, за ухом держался карандаш, а в руке белела книжечка квитанций.

За выгрузку и выкладку дров выплачивались деньги немедленно — подрядчик выписывал квитанцию и рассчитывался.

— Дяденька, дай поработать, — просим мы с Колькой.

Подрядчик знает нас, он смеётся, больно хлопает по плечу или даёт щелчка в затылок, срывает с двери вагона пломбу, и мы принимаемся вышвыривать дрова из вагона на улицу. Пилёные короткие дрова так и назывались «швырок».

Всем взрослым подрядчик платил за работу деньгами, а с нами, мальчишками, рассчитывался дровами. Он давал нам дров, сколько каждый мог унести.

Вагон «швырка» — это много. Без отдыха мы могли выкидать полвагона, а потом ели хлеб, пили воду и опять принимались за работу. К концу работы руки у нас были исцарапаны, очень болели спины, но вагон становился пустым.

Я или Колька подписывали подрядчику квитанцию, отбирали самые лучшие берёзовые поленья, перевязывали их верёвочками, взвешивали по вязанке на спину, прощались с подрядчиком и отправлялись домой к Брундучихе.

Брундучиха сидит у ворот на маленькой скамеечке. На коленях у неё корзинка с семечками и коробка со стеклянной крышкой, наполненная ирисками.

Усталые, голодные, истерзанные до последней степени дальней дорогой, мы с Колькой тут же у ворот сбрасываем с плеч вязанки и показываем Брундучихе наш товар.

— Гляди, гляди! — кричит Колька. — Все берёзовые, все гладенькие, ни одного сучка!

Брундучиха знает, что мы за дрова меньше, чем стоит вход в «Фо-

рум», не возмём. Она охает, морщится и, наконец, со злобой суёт нам две серебряные монетки.

— Нате, стервецы, мошенники, грабители! Что торговала, что нет! — кричит она и опять садится на скамеечку. Мы тут же пересчитываем поленья и несём их к ней в сарай.

И вот мы на проспекте, рядом с трактиром «Карс», поднимаемся по четырём ступенькам в «Форум». Взрослые берут в кассе билеты, а нам, мальчишкам, билеты не дают. Хозяйка «Форума» берёт от нас деньги, ведёт за барьерчик, приподнимает угол тяжёлой занавески и суёт нас в темноту.

Мы с Колькой, крепко держась за руки, босыми ногами нащупываем себе место и садимся на пол.

На экране, совсем рядом, картина мелькает так, что глазам становится больно. Только через некоторое время боль проходит, и мы начинаем видеть Веру Холодную.

Рядом с экраном, в углу, за роялем сидит старуха. Мы её знаем. Она играет на рояле и время от времени подпевает дребезжащим голосом «Молчи, грусть, молчи»... Это она поясняет содержание картины тем, кто не понимает, что происходит на экране.

Картина вдруг обрывается. Раздаётся тотчас же крик, свист. Электрическая лампочка с потолка освещала зал. На длинных деревянных скамейках, плотно прижавшись друг к другу, сидят взрослые и платками, рукавами вытирают вспотевшие лица. В проходе и у самого экрана на полу сидят мальчишки.

При свете лампочки мы с Колькой усаживаемся поудобнее и пригибаем головы: если они помешают сидящим сзади, на них посыплются щелчки.

Пока механик склеивает оборвавшуюся ленту, хозяйка «Форума» оглядывает сидящих на полу мальчишек, кого-нибудь берёт за шиворот и говорит:

— Довольно уже, третий сеанс сидишь! — и выволакивает его из зала.

Окончилась «Молчи, грусть, молчи» и началась «видовая» — море, волны, скалы. Старуха заиграла на рояле весёлую песню...

Сеанс окончился. Взрослые уходят из зала, а притихшие мальчишки прячутся под скамейками, жмутся в углы, норовят остаться на второй сеанс, но хозяйка помнит, кто засиделся очень долго, и вытаскивает из зала за шиворот.

Вот дошла очередь и до нас.

— Не хватай! Без тебя уйду! — огрызается Колька, но большая рука с блестящими кольцами на пальцах, пахнувшая духами, крепко держит за ворот и тащит к дверям.

Однажды в «Форуме» на сцену вышел старик, сел на стул, а на пол поставил большую скрипку и принялся на ней играть. Все притихли. У меня в груди стало так тяжело и в то же время радостно, что я заплакал. Колька взглянул на меня и даже напугался. Я плакал и зажимал руками рот, чтобы всхлипывания не вырвались из груди. Так было со мной впервые.

В тот вечер мы с Колькой сидели во дворе на брёвнышках, и я уверял его:

— Если бы мне дали такую скрипку и показали, как играть, я бы сыграл на ней, и все бы люди заплакали. Провалиться сквозь землю, заплакали бы, — уверял я.

— А зачем плакать-то? Вот если бы запели да заплясали! — задумчиво говорит Колька.

МЕЧТЫ СБЫВАЮТСЯ

СБЫЛАСЬ наша давнишняя мечта. На крыше деревянных сараев мы закончили постройку будки с решётчатой дверкой и отправились на базар покупать голубей.

Была весна. От почерневшего снега струился пар, всюду, сверкая, бежали ручейки.

Чтобы прийти на базар пораньше, мы с Колькой вышли из дому чуть свет. На Кольке — длинное рваное пальто, лохматая шапка и новенькие со шнурками ботинки. На мне тёплый пиджачок, сшитый из пальто, оставленного нам жиль-

цом, стариком Иваном Петровичем, длинноносые старые штилеты и кепка.

Денег на покупку голубей, по нашим расчётам, у нас было накоплено немало.

На базаре, перепрыгивая через лужи, мы прошли стороной мимо толпы людей, продающих разные вещи, и остановились на площади, обнесённой барьером из брёвен. На ней мычали коровы, кричали козы. В больших дощатых ящиках хрюкали свиньи и оглушительно визжали маленькие поросята.

В конце площади стояли лошади. Вокруг них бродили крестьяне в длинных армяках, накинутах на плечи, и сновали цыгане с кнутами в руках. Голубей не было видно.

— Дяденька, где здесь торгуют голубями? — спросил я у старика, вешающего на забор клетки с птицами.

— Принесут и голубей! — не глядя на меня, ответил старик.

В ожидании пока принесут голубей, мы с Колькой пошли по площади, посмотреть, что делается на ней.

Мы глядели, как цыгане, продавая лошадей, беспрестанно стегали их кнутами и громко кричали: «Тпру! Стой, окаянная!» Наблюдали, как крестьянин покупал лошадь. Он стоял, протянув руку ладонью кверху, и улыбался, а цыган хлопал по ней своей рукой, крестился, божился и опять хлопал.

Тряпичник Уткин рассказывал: «Цыгане выпоят старой лошади бутылку водки, постегают её кнутом и продают, пока она, пьяная, пляшет. Дома у нового хозяина проспится она и на ноги ей не подняться». Теперь я тихонько пересказывал это Кольке. Он, удивлённый, глядел на продажу лошади с таким интересом, что не заметил, как бородатый цыган суну ему кончик кнутовища в рот.

Колька так рассердился, что схватил камень и хотел запустить им в

цыгана, но не запустил — побоялся. Он долго плевал и вытирал рукавом губы.

Народа на площади становилось больше. Мужчина продавал голубя и голубку. Они, беленькие, сидели в маленьком деревянном ящичке. Сердца у нас с Колькой застучали сильнее.

Рыжеусый мужчина покрикивал:

— Парочка почтарей! Парочка почтарей!

Мы с Колькой поняли, что голубей продаёт не голубятник, а торговец, перекупщик, но это нам было безразлично. Он продавал то, о чём мы мечтали.

Узнав цену, мы опечалились. Денег у нас оказалось только половина.

— Продайте, пожалуйста, отдельно голубя или голубку, — стали мы просить.

— Что вы, дурачки, разве можно отделять голубя от голубки, ведь их пара! — сказав это, торговец окинул нас с Колькой взглядом и, что-то соображая, предложил:

— Пойдёмте в сторонку, потолкуем. — Он отвёл нас подальше от народа и, озираясь по сторонам, стал разъяснять:

— Сейчас весна, для голубей самое время. Голубка каждый день яичко положит. Через три месяца от этой парочки у вас большая стая почтарей будет!

Мы вынули накопленные деньги, показали их. До этих пор у нас с

Колькой ещё никогда не было такой сильной нужды в деньгах.

— Давайте сапоги в придачу! — предложил торговец, взглянув на Колькины ботинки и оглядываясь по сторонам.

Колька тут же на месте сел на мокрый снег и начал снимать ботинки.

— Нет, не надо! — вдруг почему-то раздумал торговец и уже хотел уходить. У меня сердце упало.

— На и пиджак! — крикнул я и в один миг снял пиджачок.

Торговец взял вещи и деньги, отдал голубей, быстро пошёл от нас и пропал в толпе.

Мы бежали домой. Колька в длинном пальто и босиком прыгал по чёрному талому снегу, крепко при-

жимая к груди ящичек с почтарами. Я в одной рубашке еле поспевал за ним.

КРАСНОГВАРДЕЙЦЫ

ЛАКОВЫЙ завод на Заставской улице, обнесённый высоким и плотным забором, утопал в зелени. Окна двухэтажного белого особняка были всегда задёрнуты тяжёлыми шторами. Владелец завода — доктор химии Герман Стерницкий — не любил шума.

В стороне от особняка, за оградой, вытянулся одноэтажный корпус лакового завода. Его окна толстыми решётками напоминали тюрьму. Массивная дверь калитки в высоком и плотном заборе была похожа на дверь камеры, и весь завод ка-

зался крепостью. Поэтому красногвардейцы Московской заставы после Февральской революции и заняли его. Протянули вдоль фасада особняка узкую красную ленту с белыми буквами: «Вся власть Советам!».

У калитки сада встал бородатый солдат в старой шинели нараспашку и с винтовкой в руке. В сад шли в большинстве пожилые рабочие. Одни из них показывали дежурному что-то и исчезали за калиткой. «Наверное, пропуска», — подумал я. Некоторые только прикладывали руку к виску.

Не имея пропуска и знакомых, я стоял в стороне и наблюдал за калиткой. Тогда мне шёл уже четырнадцатый год. Недели две я обдумывал, как, под каким предлогом пройти мне в сад. И вот однажды, уже осенью, я почувствовал, что в саду происходит что-то необыкновенное. К калитке подъезжали и уезжали автомобили. Народу шло в сад и из сада больше, нежели всегда.

«Что-то случилось», — подумал я и решил проникнуть в сад, чтобы быть вместе со всеми рабочими.

Этим вечером у калитки стоял сутулый рабочий с чёрной щетиной на подбородке, одетый в солдатский ватник. Одной рукой он держал винтовку, приставленную к ноге, другую руку протянул — предлагал мне путь, ожидая, что я предъявлю ему пропуск.

— Пусти! — крикнул я, рывком отстранил его руку, толкнулся плечом о калитку и оказался в саду.

«Если не пустит, буду кричать, просить главного начальника и требовать, чтобы пропустили», — думал я.

За забором, тут же недалеко от калитки, на площадке, поросшей невысокой травкой, рабочие стояли рядами, с винтовками в руках — шло занятие.

— Откуда? — седоусый мужчина в кепке и коротеньком пиджаке смотрел на меня внимательно.

— Из дома девять, — ответил я, поглядывая на тяжёлый длинный револьвер в кожаном чехле, висев-

ший на правом боку мужчины. «Это, наверное, и есть самый главный командир», — подумал я.

— Иди-ка, помоги на кухне! — командир кивнул в сторону особняка так, словно мне там всё было знакомо.

В кухне на большой раскалённой плите стояли кастрюли и много солдатских котелков, наполненных картошкой. На белом плиточном полу стоял мешок с картофелем и лежала груда солёной рыбы. Пожилая женщина с засученными рукавами взглянула на меня и указала на рыбу:

— Стряхивай хорошенько да положи, видишь, одна соль!

Работая, я поглядывал на девушек. Одна была высокая, длинноногая и тощая, другая рыженькая, полненькая, веснушчатая. Им обоим было лет по пятнадцати, а может, и побольше.

Вокруг большого стола толпились рабочие, хватали картошку, чистили её, обжигая руки, и ели, обмакивая в соль.

Работая на кухне, девушки перебрасывались словечками. Из их разговора я понял, что женщину зовут Фёклой Васильевной, длинноносую девушку — Наташей, а рыженькую — Катей.

Покончив с рыбой, я оттащил мешок с картошкой в сторонку и стал искать швабру или метёлку. В это время с улицы долетел очень громкий, пронзительный голос:

— Становись!

Фёкла Васильевна заметалась по кухне. С середины плиты она сдвинула котелки на края, заглянула в топку, захлопнула её, схватила свою жакетку и побежала во двор. Я тоже схватил свой пиджачок, кепку и побежал за ней.

На площадке рабочие строились колонной. В первых её рядах все были с винтовками, и все рослые, сильные. Среди них я увидел и несколько человек в рубашках с белыми воротничками и при галстуках. «Значит, тут не только рабочие», — подумал я. В заднем ряду почти все были без винтовок.

— Смирна-а-а! — опять прозвучал

тот же пронзительный голос и так повелительно, грозно, что мне стало страшно. Как и все, я стоял прямо, вытянув руки по швам.

Только тут, стоя в строю, я понял, что командует отрядом не тот, который встретил меня и послал на кухню, а вот этот маленький, тощий, в военной фуражке и в ста-

рой кожаной тужурке, потёртой, побелевшей от времени.

Чуть склонив набок голову, командир молча обходил отряд и колючим прищуренным взглядом окидывал каждого. Он чуть приметно кивнул, и из рядов вышел старик с маленькой спутанной бородкой, в зимней шапке, ватнике

и широких штанах, в больших ботинках с обмотками.

— Дежурить у телефона! — не глядя на старика, тихо сказал командир, идя дальше.

— Слушаюсь! — выкрикнул старик и быстро, совсем не по-стариковски, зашагал в особняк.

Нам — Фёкле Васильевне, Наташе, Кате и мне — командир ничего не сказал, а только махнул рукой, чтобы мы отошли прочь от колонны, и мы отошли.

Ещё раз осмотрев людей, стоящих рядами, командир взглянул в сторону калитки.

Ворота распахнулись, колонна заколыхалась.

Мне очень хотелось познакомиться с девушками, но я стеснялся первый заговорить с ними и делал вид, что совсем не думаю об этом. Они поглядывали на меня и тоже не заговаривали.

Из их разговоров я понял, что сегодня весь день с минуты на минуту ждали из Смольного распоряжения о выступлении, и вот, получив приказ Ленина, отряд выступил.

В большом кабинете у письменного стола в широком кожаном кресле, привалившись к спинке, сидел старик. На столе поблёскивал телефон. Остеклённая дверь вела на балкон.

Девушки сели на широкий, низкий диван, стоявший у стены, я встал у стола и сообщил:

— Картошку вычистили, на кухне всё сделали, — и добавил: — Фёкла Васильевна спит, сильно устала.

Старик долго молчал, что-то соображая. Он поправил зимнюю шапку на голове, потрогал широкий ремень, словно пробуя, достаточно ли туго он подпоясан, и, наконец, произнёс:

— Правильно! — и указал мне на кресло, стоявшее по другую сторону стола.

— Садись!

— Может быть, здесь что-нибудь надо? — спросил я, присаживаясь на краешек кресла.

— Ждать приказаний! — старик взглянул на телефон, а потом на меня и на девушек, явно желая знать, как мы на это смотрим.

Готовый ждать приказаний, я спросил:

— А почему нас давеча не взяли? Мы бы тоже могли... — Что могли бы мы, я не договорил.

Старик нахмурился, подёргал всклокоченную бороду и, редко расставляя слова, стал их как будто прихлопывать ладонью к столу:

— У нас в Красной гвардии дисциплина! Приказано идти — иди! Приказано сидеть — сиди! Анархизму разводить не позволено! — Он опять стал оглядывать наши лица.

Только тут, у стола, в эти минуты я понял, что я красногвардеец и нахожусь на посту.

Не сказав ни слова, я сел в кресло поудобнее в ожидании приказаний.

Девушки, поглядывая на меня, на старика, о чём-то шептались. Но вот они встали, потихоньку прошли к чуть приоткрытой остеклённой двери и вышли на балкон.

— У папы рука не гнётся и сильная одышка, — рыженькая девушка сказала это Наташе и взглянула на меня.

— Я бы пошла с ними... — Наташа, наверное, хотела сказать, что она не боится, пошла бы хоть в бой, хоть на смерть, но взглянула на меня, смутилась, замолчала.

— И я бы пошла, но папа говорит, не в этом дело. Он говорит, главное — быть на посту, выполнять приказания, — как бы посожала Катя.

В эту минуту край неба вспыхнул, до нас докатился рокошущий грохот, похожий на первый весенний гром. Он покружил над нами, пошёл рокотать над городом.

Зашумели деревья в саду, повеяло свежестью. Я тихонько открыл дверь, и мы пошли с балкона, не приступая на каблуки, словно боясь кого-то разбудить. Все трое сели на диван.

Абажур настольной лампы обрисовал в зеленоватом круге стол, два кресла и бородатую голову старика

в зимней шапке. Он думал о чём-то, сидел не шевелясь, и глядел в одну точку, положив крючковатые руки на кромку стола.

В этой торжественной и напряжённой тишине телефонный звонок словно вскрикнул.

Старик вскочил и схватил трубку:

— Слушаюсь!

Мы трое встали у стола, руки навывтяжку, и я почувствовал, как сердце у меня застучало отрывисто, редко.

Лицо старика стало растерян-

ным, недоумевающим, как будто его застали врасплох.

— Так точно! Слушаюсь! — естественно громко, прокричал он в трубку и тихонько положил её на рычаг.

«Вот и потребовался», — решил я, отстраняя девушек, подаваясь вперёд.

Старик посмотрел на нас, сорвал с головы шапку, с размаху бросил её на стол и крикнул так, как будто нас было очень много:

— Зимний дворец взят! Буржуазии крышка!

ПРАЗДНИК В ЛЕСУ

На зелёную лужайку
Вышел заяц с балалайкой:
— Приходите все ко мне! —
И ударил по струне...
Услыхал об этом крот,
Вмиг прорыл подземный ход,
Сразу вышел на лужайку,
Прямо к зайцу с балалайкой:
— Хотя при свете мне темно,
Я станцую всё равно!
И, о землю стукнув лапкой,
Он пошёл, пошёл впрыскаду...
Волк дивится:
— Ну и крот!
Он за пояс всех заткнёт!
Сам Топтыгин очень лихо
Пригласил плясать зайчику.
Пригласить-то пригласил,
Только ноги отдал. —
А красавица лиса —
Леса рыжая краса —
В руки беленький платочек взяла,
Белым лебедем по кругу поплыла...
Эй, дружок, скорей на праздник
поспеши
И с лисичкою-сестричкою спляши!

Рис. П. Вискова

Л Ы Ж Н Я

Морозный свежий воздух
И солнце в синеве.
Снежинки, словно звёзды,
Горят на рукаве.

Румянцем пышут щёки,
Скрипит тихонько наст.
А ну-ка, кто в дороге
Догнать сумеет нас?!

Остались где-то в пуще
Две змейки на снегу.
Мой друг бежит ведущим,
Ведомым я бегу.

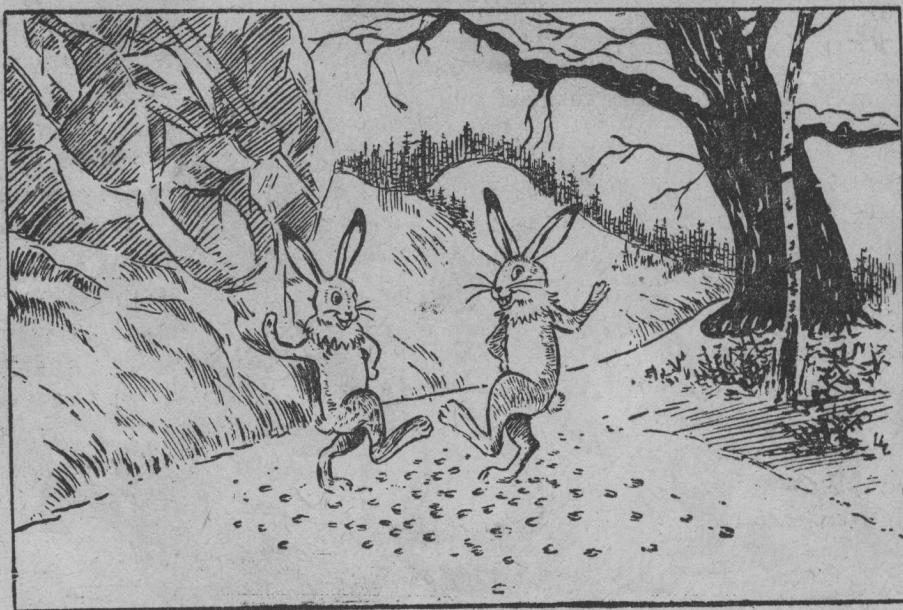
Сейчас мы срежем угол,
И я его сменю.
...Приятно друг для друга
Прокладывать лыжню!

Рис. П. Вискова

Весёлые зайцы

(Загадочная картинка А. Илючека)

Где два охотника?

ВЫ бывали когда-нибудь за кулисами кукольного театра? Нет? Тогда пройдёте. Кстати, спектакль окончился, и мы сможем не торопясь разглядеть и разгадать многие секреты из жизни театральных кукол.

Сегодня у нас спектакль «На арене — куклы». Это весёлое цирковое представление марионеток.* Здесь всё как на настоящей арене: акробаты, жонглёры, наездники. Но в отличие от обычного цирка у нас перед зрителями выступают куклы. Куклы ходят по канату, катаются на мотоциклах, показывают сложные гимнастические упражнения на трапециях, исполняют акробатические номера.

Вот познакомьтесь — воздушная гимнастка. Костюмер надел на неё нарядную одежду, точно такую же, в каких выступают гимнасты в цирке. По виду она очень похожа на настоящую артистку. Мы не стремимся к тому, чтобы вы, зрители, спутали куклу с человеком. Но мы хотим, чтобы во время спектакля нам поверили, что кукла оживала, стала маленьким сказочным существом, начала двигаться

и чтобы вы забыли, что этой куклой управляет артист-кукловод.

Вы помните выступление нашей гимнастки? На спектакле она исполняет очень сложный номер. Арена ярко освещена. Из оркестра слышится тревожная дробь барабана. Гимнастка поднимается высоко под купол цирка. Внимание! Вот она пролетает над ареной, ещё мгновение — и она оказывается на трапеции. Кукла на трапеции! Все, кто в детстве играл в куклы, удивлены. Они помнят, что для того, чтобы усадить свою «Катю» на стул, требуется немало усилий, времени. А тут... кукла, как и полагается цирковой гимнастке, некоторое время висит на вытянутых руках, потом раскачивается, перекидывает ноги через перекладину, садится, ложится на спину, делает рискованные трюки, опять садится и снова переходит к исполнению другого, не менее сложного трюка.

Вы понимаете, что всё это происходит не без участия умелых рук кукловода. Но где же он? Вы его не видите, а он рядом. Вокруг арены для артистов-кукловодов выстроен специальный помост. Арти-

**РЕБЯТАМ -
ОКТЯБРЯТАМ**

* Марионетка — кукла, управляемая нитями.

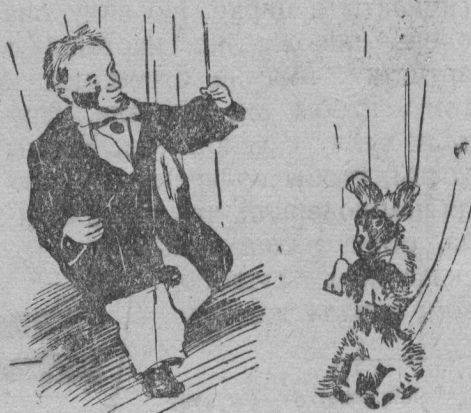
сты взбираются на этот помост, смотрят сверху вниз на сцену и водят по ней своих кукол. Для того чтобы кукла на виду у зрителей прошла по сцене, кажется, большого умения не нужно. В руках кукловода — очень похожая на вешалку для платья — вага, на которой закреплены нити управления. Если кукловод будет колебать коромысло ваги, нити, закреплённые к концам коромысла, станут попеременно натягиваться и ослабевать. И так как они нижними концами соединены с коленями ног марионетки, — кукла начнёт попеременно поднимать и опускать ноги. Если её вести по сцене, у зрителя возникнет впечатление шагающей куклы. В руках кук-

ловода бывает до 20, а иногда и более нитей.

Стоит кукловод на помосте. В одной руке у него вага, другой он перебирает прикреплённые к ней нити и, как музыкант на инструменте, играет куклой.

Надо очень много тренироваться, прежде чем научишься управлять марионеткой. Ведь стоит опустить вагу чуть ниже, и кукла беспомощно опустится на согнутые ноги, а перестаравшись и поднимешь вагу слишком высоко — марионетка повиснет в воздухе. Как при игре на скрипке, надо хорошо чувствовать, как и с какой силой надо ударить смычком по струне, чтобы получился верный и нужной силы звук, так и при управлении куклой-марионеткой нужно знать и чувствовать, какую нитку и как сильно натянуть, чтобы кукла сделала нужное и верное движение.

Когда кукла движется правильно, зритель забывает, что кукла подвешена на нитках, хотя и видит их. Но достаточно одного неправильного движения артиста, и кукла уже выглядит на сцене нелепо, а зритель вспо-

минает, что она в руках кукловода.

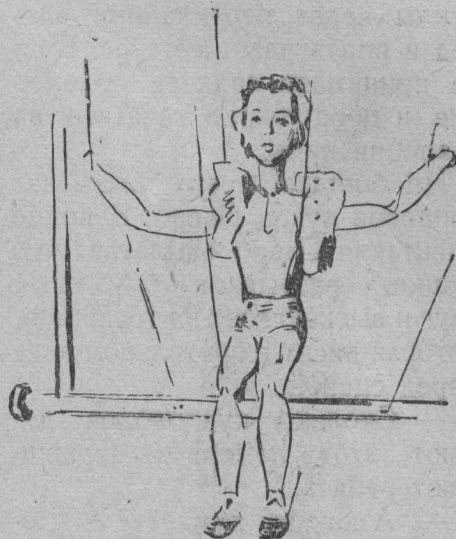
Водить кукол — трудное дело. Иногда в нашем спектакле, если движения у куклы сложные, один артист не может управиться. К нему приходят на помощь товарищи. Тогда они ведут куклу вдвоём, втроём, а иногда даже и вчетвером. Конечно, у нескольких артистов кукла уже сможет не только ходить по сцене, приседать, кланяться, но и жонглировать шарами, подкидывать их вверх, перехватывать носком ноги и ловить на палочку, которую она держит во рту. Такой номер кукла-жонглёр исполняет на арене нашего цирка.

В номере канатоходцев зрители восхищаются ловкостью и точностью движений кукол. Кукла идёт по канату, не оступится, не упадёт. Оказывается, каждым канатоходцем управляют четыре человека: двое передвигают ноги куклы, один водит

её голову и торс, четвёртый — руки.

Так уж и быть, я открою ещё некоторые наши закулисные «тайны». Вас, наверное, интересует, в чём «секрет»

работы воздушной гимнастики под куполом. Помните, гимнастка делает прыжок и пролетает под куполом. Кукла в воздухе. Что будет с нею? Неужели она точно попадёт на трапецию и ухватится за неё руками? Да вот она уже держится за перекладину. Все замерли в восторге, и никто не догадывается, что этот трюк подготовлен нами уже за кулисами. Невидимые нити заранее соединили руки гимнастки с перекладиной. Пока трапецию опускают, гимнастка в руках кукловода ждёт своего «выхода». Два других кукловода стоят по бокам помоста, опускают трапецию и постепенно выбирают ручные нити куклы. Но вот прыжок! Нити точно приводят куклу на перекладину. Кукла уже висит на вытянутых руках. Кукловод, управляющий куклой, подтягивает её ноги. В то время как трапеция, которую плавно качают два других кукловода, стоящие по бокам, взлетает, артист быстро перекидывает ноги

куклы через перекладину вперёд и подтягивает её торс. Кукла принимает сидячее положение и продолжает качаться на трапеции сидя.

Но больше всего вызывает вопросов кукла Пьеро. В конце спектакля Пьеро «вылетает» из пушки, разрывает бумажный круг и выскакивает на трапецию, которая висит в зрительном зале перед сценой.

— Сколько кукловодов делают этот номер? — спрашивают ребята.

— А как вы думаете? — допытываюсь я.

— Пять, а может быть, и больше, — говорят ребята.

Нет, всего только один. Этот номер у нас рассчитан на вашу невнимательность. Вы, зрители, конечно, очень наблюдательный народ. Но если мы делаем что-нибудь очень быстро, слаженно, то легко обманываем вас. У нас в театре есть две куклы Пьеро. Одну из них мы заряжаем в пушку. А другую заранее, во время антракта, подвешиваем на ручных и ножных нитях за бумажным кругом. Нити эти продеты через бумагу к перекладинам трапеции и отведены в переднюю боковую кулису, где их держит наготове кукловод. Когда раздаётся выстрел (удар в

большой барабан), в жерле пушки вспыхивает на секунду красная лампочка и одновременно кукловод резко дёргает ручные и ножные нити, и кукла Пьеро, прорывая бумагу, оказывается на трапеции. Вторая кукла Пьеро, которой мы зарядили пушку, — остаётся в пушке.

В этом трюке необходимы совместные действия и кукловода, и осветителя, включающего лампочку в пушке, и музыканта, ударяющего в барабан.

Сигналом для всех служат слова песенки, по которым каждый, не задерживая ни на секунду, должен выполнить своё дело: один — ударить в барабан, другой — включить рубильник, а третий — дёрнуть за нити. Делают они это так ловко и так быстро, что вы никогда не заметите подмены кукол.

Однако время у нас на исходе, а я ещё не сказал о многих тайнах нашего закулисного мастерства. Но это дело поправимое. Приходите к нам на спектакль, и теперь, пожалуй, многие секреты вы уже раскроете без меня, сами.

Е. ДЕММЕНИ,
заслуженный артист РСФСР

Рисунки Ю. Шабанова

Песенка про первую пятёрку

Ах, лесенка, ты лесенка,
четыре этажа!
Насвистываю песенку,
по лесенке кружа.
Лет не меньше ста ей дашь,
все ступеньки стёрты.
Раз — этаж,
два — этаж,
три — этаж,
а вот и наш,
четвёртый!
Нажимаю на стене
кнопочку у двери:
раз — к тебе,
два — ко мне,
три — к соседке Вере.
Раз, два, три, четыре!
Мой сигнал авральный
слышен всей квартире
ком-му-наль-ной!
За дверьми суетня:
приоткрылась створка,
в щель глядят на меня
все соседи зорко.
— Отворяйте, друзья!
Это я
и моя
первая пятёрка!

* * *

А вы не пели песенку,
по лесенке кружа?
Ах, лесенка, ты лесенка,
четыре этажа!

Рис. П. Вискова

Как муравьи отомстили за мышь

(С К А З К А)

НА опушке ельника жила-была Мышка. Недавно Мышка стала матерью — принесла троих мышат. И потому, что в её жизни это были первые детёныши, она их очень любила. С утра до вечера пищала им колыбельные песни. Выбежит из норки, поест-попьёт немного — и опять поёт. И гордилась своими мышатами. Однажды даже пригласила к себе соседа по норе — старого Крота.

— Полюбуйся-ка, добрый соседка, какие у меня славные детки! — похвалилась она.

Крот подвигал носом и ответил:

— Мышата ничего себе. Пахнут хорошо. Грудным молоком пахнут.

— Разве в запахе дело? — удивилась Мышка. — Взгляни, какие чудесные у них мордочки!

— Тоже мне сказала — взгляни! — проворчал Крот. — Ты же знаешь — не люблю я глядеть, потому что мне нечем глядеть. Глядят только глупые.

Мышка даже не обиделась, а пожалела Крота: какой он несчастный! Вот были бы у него глаза, он увидел бы самое красивое на свете — её мышат.

Как видите, по молодости Мышка любила хвалиться. Она решила: как только подрастут немного её

мышата, выведет их на свет и покажет соседям, у которых есть глаза.

Так она и сделала. Дня через три вывела мышат из норы и прежде всего стала знакомить их с окружающим миром:

— Вот это ручей. В нём бежит вода. Это большое — ель. Под нею можно прятаться от дождя. Дождь — это вода, которая льётся не из ручья, а сверху. Что такое вода, спрашиваете? Она такая мокрая. А вот этот маленький кружочек — солнце. Оно греет. А когда устаёт греть, — уходит за тучу или скрывается за ёлкой. Ясно, детки? А теперь пойдём показываться соседям. Поглядят на вас и с ума сойдут от зависти.

Искать соседей пришлось недолго. Рядом что-то зашелестело, зашипело, засвистело. Мышка остановилась и увидела — в траве извивалось что-то длинное, страшное. Оно подняло голову с широкой пастью, а из неё высунулся раздвоенный язык. Чудовище затрясло головой:

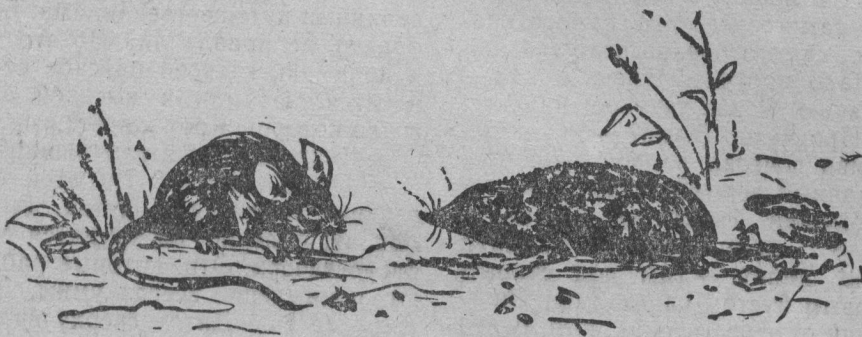
— Как ты с-смеешь ходить тут? Как ты с-смеешь пересекать мои с-следы!

Мышка встала на задние лапки, передние скрестила на груди.

— Я извиняюсь... Я... я не знала, — пропищала она. — Вот поглядите, какие славные у меня детки!

— С-славные, говоришь? Это значит — вкус-ные, да? А ты пробо-

вала? Почему меня не пригласила? Давай с-сюда с-самого пухленького — я его с-сьем!

— Да что вы! Разве можно? — ужаснулась Мышка. — Они ничего не видели, они жить хотят!

— Это неважно, чего они хотят! Ты ещё спорить с-со мной!

Чудовище метнулось стрелой и проглотило самого хорошенького мышонка. А остальные без оглядки бросились к своей норе. Опомнились, когда постучался сосед Крот:

— Я спал и проснулся от стука ваших сердец. Что такое стряслось?

— И не спрашивайте, соседushка!.. Какое-то длинное, противное чудовище!.. — заговорила со слезами Мышка. — Я ему говорю: полюбуйтесь, какие славные у меня детки. А оно не стало любоваться. Оно проглотило моего самого любимого мышонка. Оно, оно...

— Говори яснее — какое чудовище? — нетерпеливо перебил Крот. — Длинное — это мне ни о чём не говорит. Как оно пахнет?

— Извини, соседushка, я не успела разнюхать.

— Ах, какая ты ещё глупенькая! Ну, тогда какие он издаёт звуки?

— Кажется, шипит, свистит и извивается.

— Извивается — нет такого звука. Шипит. Свистит. Это — Змея! — встревожился Крот. — Чего доброго, ещё до моих кротят доберётся. Надо её выжить отсюда, да поскорее! Вот что, соседка. Я посторожу твоих мышат, а ты пройди по моей норе к дальнейшему выходу. Там возле дороги живёт навозный Жук. Говорят, что этот Жук очень мудрый

и очень серьёзный. Ты разыщи его и посоветуйся с ним, как проучить нам эту Змею, как выгнать эту негодницу из нашего края.

Как посоветовал Крот, так Мышка и поступила. Действительно, у самого дальнего выхода из кротовой норы она увидела иссиня-чёрного навозного Жука. Он лежал на середине дороги вверх животом, а по животу весело путешествовали маленькие жучки — загорали на солнышке.

— Извините, уважаемый, это не вас зовут навозным Жуком? — спросила Мышка.

— Да, это у меня такое красивое имя. А ты кто?

— Я Мышка. У меня, как видите, тоже красивое имя. Мне мой сосед Крот сказал, что вы очень серьёзный и очень мудрый. Это правда?

— Да, это правда. Я очень серьёзный и очень мудрый, потому что живу на большой дороге.

— Как я рада! Как это мило с вашей стороны! Выручите, пожалуйста, меня из беды.

— Из беды? Что-нибудь взаимно хочешь взять? Не могу дать, потому что я мудрый и никому не верю.

— Нет, я ничего не хочу занимать у вас. Я только за советом пришла.

— Ну, если за советом — это другое дело. Это можно. Я могу дать тысячу сто двадцать два полезных совета.

— У меня большое горе...

— Ты вытри слёзы да говори короче, потому что мне надо загорать, — перебил Жук.

— Противная Змея проглотила моего самого весёлого, самого красивого, самого прекрасного мышонка. Надо проучить Змею, а как — я не знаю. Я вас умоляю: научите!

— Проучить Змею? — Жук задумчиво почесал лапкой свой бронированный чёрный затылок. — Вот что, Мышка. Ты сбегай вон на ту опушку леса, — Жук вытянул третью лапку. — Там под старым ольховым кустом сидит Заяц. Он — великий путешественник, потому что у него длинные ноги. Зайчишка весь этот лес десять тысяч сто пятьдесят раз исколесил. Хотя он и глуп — у Зайца ум в сорок два с половиной раза меньше моего, — но видел он много и случайно может что-нибудь полезное посоветовать.

Горе, как известно, прибавляет отваги. Не случись беды, Мышка никогда не решилась бы отправиться в такую длинную дорогу. Шутка ли: до опушки леса, на краю которой стоял старый ольховый куст, было не меньше километра.

В середине куста кто-то большой и серый подпрыгнул чуть ли не до неба и спросил, заикаясь:

— Кы-кы-кто ты-ты-тут?

— Это я, Мышка.

— Ходит тут, понимаешь, всякая мелочь! Только пугает, понимаешь, порядочных зверей, — заикаясь, пробубнил Заяц. — Что тебе надо от меня?

Мышка, всхлипывая, рассказала о своём великом горе. Заяц с минуту задумчиво хлопал глазами и ушами, потом ответил:

— Да, я самый великий путешественник в нашем лесу. Жук, понимаешь, правильно сказал. Но, видишь ли, Мышка, когда я путешествую, мне соображать некогда. Приходится, понимаешь, путешествовать на самых больших скоростях, иначе, понимаешь, можно угодить прямо в лапы лисы или волка.

Они почему-то любят закусывать великими путешественниками. Безобразие, не правда ли? Но это, как я понимаю, к твоей просьбе не относится. Ты иди к высокой ёлке, возле которой Крот живёт...

— Боже мой, и я там живу!

— Очень хорошо. На этой ёлке главная мастерская Дятла. Ты замечала, наверно, он трудится с утра до вечера. Эти, которые работают, понимаешь, всегда умны. Да к тому же ещё Дятлу сверху виднее.

Так уж устроен белый свет: оказывается, мудрецов можно найти и рядом с собой, не обязательно разыскивать их в чужой, далёкой стороне.

На обратном пути Мышка чуть не угодила в широкую пасть Змеи. И хотя сердце бедной Мышки от страха ускочило чуть ли не в самый кон-

чик хвоста, она добралась до ёлки, возле которой была её нора и на которой весело трудился неутомимый Дятел.

Мышка села на задние лапки и пискнула:

— Можно ли на секундочку оторвать вас от дела, добрый, трудолюбивый Дятел?

Дятел перестал плотничать и спросил:

— Что стряслось, соседка?

Она рассказала о своей беде и о том, что ей посоветовали мудрый невозный Жук и великий путешественник Заяц.

Дятел выслушал и сказал:

— У меня есть замечательные друзья. Они такие великие труженики! Куда мне до них! И храбрые воины ко всему этому. Они обязательно помогут тебе. Я сейчас переговорю с ними. Они здесь, возле меня.

Мышка глядела-глядела и никого возле Дятла не увидела. Подумала: может быть, от усталости её зрение немножко притупилось... Лесной плотник между тем пошеп-

тался с кем-то, поблагодарил кого-то и сообщил Мышке:

— Я так и знал. Они не отказались, соседка. Они выставят тебе на помощь целую армию воинов. Жди, сейчас придёт к тебе сам главнокомандующий. Извиняюсь, Мышка, не сейчас, а через пятнадцать минут. Главнокомандующий любит точность. Жди!

Дятел принялся за работу, а Мышка стала ждать. Пятнадцать минут — срок немалый, и уставшая Мышка вздремнула. Кто-то осторожно потрогал её за усы, и она проснулась. Перед нею стоял Муравей.

— Ах, это ты, малютка-Мура-

вей! — зевнула Мышка. — Ничем не могу помочь. У меня у самой горе.

— Знаю. Мне мой друг Дятел всё рассказал и просил помочь тебе. Прошу извинить, что заставил ждать целых пятнадцать минут. Отдавал распоряжения. Сейчас мои войска закончили окружение Змеи.

Главнокомандующий Муравей пригласил Мышку посмотреть на сражение. Они взобрались на пенёк вместе со связными главнокомандующего. Их было не меньше ста. Мышка, по правде сказать, ещё не очень верила, что эти маленькие существа — муравьи что-то могут поделать с огромной, страшной Змеей. Перед её взором с высоты пня открылась такая картина. На главной муравьиной дороге извивалась Змея, а её со всех сторон окружили муравьи. Их было столько, что, назови любое число — миллион или миллиард, — всё равно ошибёшься, всё равно будет мало. Змея несколько раз пыталась вырваться из плотного окружения, но всё напрасно — тысячи воинов впились в неё своими клешнями, и она вынуждена была смирённо ползти туда, куда нужно было муравьям. Они заставили Змею взобраться на вершину муравьиной кучи. Главнокомандующий послал туда самого резвого связного:

— Спроси Змею, какое у неё будет самое последнее желание перед смертью?

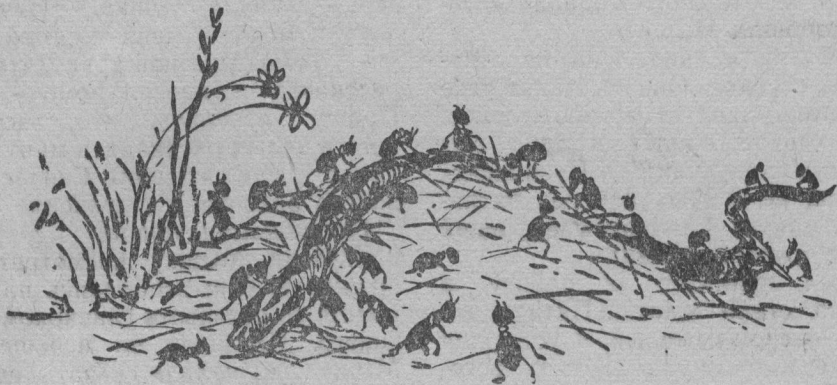
Через некоторое время связной вернулся и доложил:

— Змея не верит, что такие малютки могут убить её. В подтверждение этого она проглотила двадцать наших храбрых воинов.

— Передай войскам: начать атаку!

Секунду назад было так: на вершине муравьиного города спокойно лежала Змея, чуть приподняв голову. Глаза её выражали сразу и настороженность и любопытство, страха в них не было. Невдалеке от неё застыли в строю тысячи муравьиных полков. А потом разом всё пришло в движение. Змея скрылась из глаз — её облепили воины.

Она судорожно металась, свивалась в кольца и развивалась, била хвостом, трясла головой. Падали убитые воины, но на место погибших становились десятки других. Вот Змея метнулась в последний раз и застыла. А через несколько минут на вершине муравьиного города белела костяная цепочка. От грозного чудовища остались одни

только косточки: череп и позвонки.

— Сражение закончено, — объявил главнокомандующий и удалился в сопровождении своей многочисленной свиты.

Всё произошло так быстро, что Мышка не успела даже поблагодарить муравьёв.

Теперь она могла спокойно петь своим мышатам ласковые колыбельные песенки.

З И М А

Вновь мороз
В серебряных сапожках
В край родной
пришёл издалека,
И зима
У каждого окошка
Наметала белые стога.
Острые,
Колющие снежинки
Обжигают, словно
огоньком,
Только гуси,
Собирая льдинки,
Ходят по дорожкам
босиком.

Н. ФИЛИППОВ

Рис. Л. Воронова

В ПОИСКАХ ЯРАНГИ

(ЧУКОТСКАЯ ТЕТРАДЬ)

УЗНАВ, что я еду на Чукотку, знакомый художник сказал:

— Это здорово! Чудесно! Да, кстати, я пишу картину о прошлом Севера. Удружи, привези мне побольше снимков яранги.* Я ведь там был лет 20 назад.

Художник начал рассказ о своих приключениях во время путешествия по суровому краю...

...Трудно сосчитать, сколько таинственных историй, удивительных легенд, песен пришлось слышать о чукотской земле! Наверно, поэтому казалось, что она уже знакома.

«Здравствуй, Чукотка, здравствуй!» — хотелось поздороваться с северной суровой землёй, когда мы прибыли в Анадырь.

И вот «северное такси» подкатывает к зданию — весёлая упряжка ездовых собак. В морозном воздухе особенно звонко слышатся крики каюра:

— Хэк! Хэк! Прямо!

Или:

— Та! Стой!

Через несколько минут мы несёмся во весь дух по накатанной голубоватой дороге. Когда упряжка выскочила на улицы посёлка, прохожие далеко обходили нас, скрывались за калитками. Встреча с собаками, запряжёнными в нарты, не сулит ничего хорошего.

Каюр проворно соскакивает на крутых подъёмах, снова садится.

— Худо тебе без тёмных глаз, —

говорит он, поправив на своём носу чёрные очки.

И правда, снег словно посыпан мелкой слюдой, блестит до боли в глазах.

— А как же раньше обходились без тёмных очков?

— Ай, недогадливая твоя голова, — хитро смеётся каюр, — стёкла на костре коптели, дымом!..

— А когда стёкол не было?

— Рыба всегда была, рыбы пугази натягивали.

Очки пришлось купить немедленно.

На полдороге нас обогнал грузовик. Потом мы его опередили, потому что машина буксовала. Наше состязание продолжалось около часа с переменным успехом, и, наконец, грузовик сдался, отстал. Каюр не удивился, не огорчился, не обрадовался. Он даже ни разу не оглянулся. Это в порядке вещей, нарты на Чукотке незаменимы.

Анадырь! Давным-давно пришли в эти края первые русские землепроходцы, поставили по берегу реки несколько временных убогих лачуг. Да так и прижились, не захотели уходить обратно. Анадырь стал посёлком-часовым, сторожевым северо-восточных русских берегов. До сих пор в этих краях археологи, школьники откапывают удивительные находки: казацкие трубки-люльки из рога, отыскивают могилы дружинников Дежнёва, Маркова. Есть у Чукотской земли и революционное прошлое, отдалённое от нас несколькими десятилетиями.

Белогвардейские банды, разгром-

* Яранга — чукотское жилище из оленьих шкур, натянутых на деревянный остов.

ленные Красной Армией на западе, востоке, пробирались на Крайний Север. В чукотских селениях и сейчас помнят предводителя бандитов — атамана Бочкарёва. К тому времени Советская власть уже отменила с северных народов дорогой ясак — налог на пушнину. Но белогвардейцы снова стали восстанавливать старые порядки и налоги.

Бочкарёв приказал собрать всех жителей селения. Он потребовал от них новые упряжки. Эвены отказались исполнить приказ. Тогда офицеры насильно отобрали собак и нарты.

Вскоре из Камчатки на помощь местному населению пришёл красный отряд Чеботарёва. Бойцов было очень мало, но, услышав о зверствах белых, они пустились в погоню за ними.

Бочкарёвцы были разгромлены, по всему побережью установилась Советская власть. Она принесла охотникам, оленеводам, их детям совсем новую жизнь...

В Анадыре на горе высятся огромная школа. Рядом вырос новый интернат. В нём живут чукотские ребята из самых отдалённых уголков тун-

дры: из посёлка Кончелан, мыса Биллингса, Иультинского района, из Лаврентия.

Школьники живут на полном государственном обеспечении. Они не знают, что такое чадный дым костра, голод, холод. В комнатах интерната тепло, уютно, чисто. А сколько всяких настольных игр, музыкальных инструментов к услугам пионеров! Знакомство с ребятами завязывается быстро. Больше всех рассказов у Вани Илятегина. В его чёрных узких глазах всегда огоньки. Он знает так много интересных историй, что их не переслушаешь за целый месяц. Мальчик неохотно уступает место Тане Рультыне, которой тоже есть что рассказать. Каждый день после уроков девочка помогает колхозным мастерицам шить торбазы, * кухлянки, рукавицы, выделывать шкуры. Одежда готовится для пастухов-оленеводов, которые целыми месяцами находятся в тундре.

— У нас один мальчик приехал с «материка», — рассказывает девочка, — смешной, как нерпа. И ум маленький, как у нерпы. «Зачем вы, — спрашивает, — носите меховую одежду?» Не знает, что у нас без кухлянки носа в тундру не высунешь.

— Ничего ты не понимаешь, — возразил Илятегин, — не всякий мех держит тепло.

И тут я услышал интересную северную сказку. В тундре заболел волк. Заяц, лисица и олень решили отомстить ему за все старые обиды. Но как? Надумали звери облить волка водой и заморозить его. Первым пошёл к обидчику заяц. Но пока он нёс воду, она промёрзла до дна. Отправилась лисица. Она свою ношу донесла только наполовину — остальная вода превратилась в лёд. Олень пошёл — весь котелок на волка вылил, заморозил зверя. Вот какой тёплый мех у оленя, — закончил рассказчик.

— Тебе кто рассказывал эту сказку? — спросил я Илятегина.

— Охотник Каляч. Он самый умный и сильный....

Забегу вперёд и расскажу, как произошла встреча с Калячом. В тот год к берегам полуострова лёд подошёл очень рано. Он забил берег, уничто-

* Торбаза — меховая обувь.

жил лежище моржей. Раньше такой лёд грозил береговым чукчам голодом. Моржи уходили далеко в море. Люди на своих утлых судёнышках даже не могли думать, чтобы пойти за ними. Сейчас никакой лёд не опасен охотникам. На огромных вельботах они уходят в море. Особенно интересно глядеть, как охотятся на китов. Наш вельбот долго бороздил море. К полудню заметили далёкий фонтан. Около меня стоял охотник Каляч. Он выстрелил. Кит скрылся под водой.

И вдруг почти рядом снова показался морской великан.

— Солёная вода разъедает рану, — сказал Каляч, — теперь он будет чаще выныривать.

Вельбот подошёл вплотную к киту. Каляч вонзил в бок животного гарпун. На его конце был прикреплён большой надутый воздухом мешок из шкуры нерпы — «пых-пых». «Пых-пых» задерживают под водой ход кита. Вот уже на спине морского великана несколько таких мешков, а он продолжает сопротивляться. Но дело подходит к концу, кит выдыхается.

...Разговор с ребятами не прекращается ни на секунду.

— Скучаешь, наверно, по охоте? — спросил я Ваню.

— Учиться хочу, тундре много грамотных надо, — серьёзно ответил мальчик.

— Он здесь без дела не сидит, — перебила Ваню Света Кергенаут. — Ваня бригадир пионерской бригады рыбаков. Они уже 4 бочки кеты поймали для интерната.

У девочек в школе, помимо пощи-

вочной мастерской, есть ещё забота — цветы.

Ещё в Магадане, столице Крайнего Севера, мне удалось встретиться с пионерами-юннатами Нелей Гузь, Юрой Стеблюком, Леной Бай... На своём участке они творят чудеса: выращивают теплолюбивую землянику, вишни, яблоки, смородину, малину. Свой опыт пионеры передают другим школам Севера, пересылают черенки и кусты смородины взрослым любителям-садоводам.

В Анадырской школе Света Эутваль, Рая Этытваль и их подруги увлекаются цветами. На подоконнике в ящиках выклюнулись первые стебельки и нежные листики астр, «львиного зева», «дневной красавицы».

Полюбоваться на чудо приходят даже старики-оленоводы.

— Я живу много, семьдесят лет и пять пароходов (пять лет), — сказал один из них, — такого чуда не видел!

Он только что приехал за внучкой Нотат из тундры, где пасёт оленей.

Она учится в музыкальной школе, которая находится совсем рядом.

Нам со стариком по пути.

— Вы хотите девочку увезти в тундру?

— Родители требуют, соскучились по дочке...

Здание музыкальной школы ничем не отличается от других домов. Только тропинка к нему ведёт более глубокая, утоптанная детскими ногами. В школе занимаются самые одарённые дети чукчей.

На пороге Кунаны (так звали ста-

рика) сердито стряхнул снег с торбазов, что-то прошептал.

— Где Нотат? — спросил он учительницу. — Я приехал за ней.

В это время вбежала раскрасневшаяся девочка.

— Сыграй что-нибудь дедушке, Нотат, — вдруг предложила учительница.

Послышались звуки музыки. Старик с удивлением глядел на пианино; на пальцы Нотат.

— Твои пальцы, Нотат, заставили запеть чёрный ящик, — сказал, наконец, Кунаны, — тебя нельзя увозить. Но что я скажу родителям?

...Мой путь лежит в оленеводческий колхоз имени Сталина. «Наконец-то, наверно, увижу настоящую ярангу», — думаю я. Действительно, несколько лет назад здесь стояли яранги кочевников-оленоводов, слышался однообразный голодный вой собак да тоскливый шум прибоа. Совсем новыми звуками наполнены теперь улицы колхоза. Ещё издали слышится рокот тракторов. В разных местах виднеются свежие срубы, готовые избы, ждущие своих хозяев. Новыми домами застроен весь посёлок. В центре главной улицы высится просторный клуб, дальше — магазин, звероферма, мастерские.

В колхозе насчитывается 9.890 оле-

ней. Стада разбросаны на сотни километров по всей тундре. Ведь площадь колхозных угодий почти равна территории... Франции!

...На помощь пастухам пришли тракторы и самолёты. Если зима выдаётся снежной, то весной жди наводнения. Это очень опасно для оленей.

Теперь над тундрой летают «разведчики снега». Они задолго до тепла сообщают колхозникам, откуда ждать опасность — воду. Другие самолёты — «воздушные охотники» — кружат над тундрой, выслеживая волков. Хищник замечен! Самолёт снижается, слышится выстрел... Иногда волки переворачиваются на спину, чтобы защищаться ногами и клыками от невиданной птицы, но от смерти им не уйти!

— Помогают ребята оленеводам? — спросил я старого пастуха Экорультена.

— Худол!

— Как же так? Председатель только что нахваливал юных оленеводов, а тут...

Почему недоволен старый Экорультен?

— Пананта школу не кончил, пошёл пасти стадо, — разгорячился старик, — кому он нужен? Олень знает, где умная голова, где глупая.

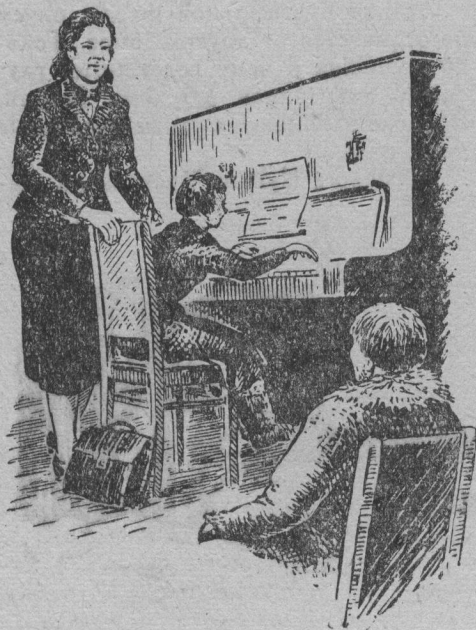
Экорультен так же быстро успокоился, как и вспыхнул.

— Пананта — мой сын. Не хочу, чтоб он тёмный был!

Перед самым отъездом из колхоза я вспомнил о яранге. Как же я раньше не подумал о ней? Захлестнула кипучая жизнь колхоза, интересные встречи, люди... Хотя можно было снова вернуться к председателю, спросить, но почему-то не хотелось. Буду продолжать поиски в другом месте.

За недолгие дни, которые я провёл в этих краях, пути-дороги столкнули меня ещё с одним замечательным человеком — журналистом Ивтэком. В его жизни, как в прозрачном озере тундры, отразилась судьба всего чукотского народа.

Когда-то семья Ивтэка кочевала с места на место, бедствовала. Однажды у отца мальчика убежали олени в тундру. В погоню за ними отправился старший брат. Прошёл месяц,

второй, но брат не возвращался. Голодная смерть нависла над семьёй бедняка.

Чтобы спасти малых ребят, отец ушёл ловить рыбу. Мать собирала ягоды, шишки кедрача, вываривала шкуры.

Вечером, ложась спать, Ивтэк мечтал: скоро придёт отец, он принесёт много-много рыбы. Ночью он видел один и тот же сон: много рыбы. Но отец больше не вернулся, его, слабого, унесла река.

Вся тяжесть пала на плечи матери. Придя из тундры, она говорила:

— Сегодня я слышала, как мой сын Тынкыль гонит стадо оленей обратно, я узнала его голос.

Ивтэк знал, что мать это нарочно выдумала, но он сам иногда вдруг слышал простуженный голос Тынкыля, дыхание оленей...

В эти дни старший брат действительно вернулся — только без стада. Однако он привёз хорошую новость — в селении Танюер бедные люди стали жить вместе, как листья карликовой берёзы на одной ветке, и у них нет голода.

Вскоре семья Ивтэка тоже записалась в колхоз. Мальчик поступил в школу, затем — в педагогическое училище. Его назначили учительствовать в село Берёзово. Здесь ещё только начинал организовываться колхоз.

Но богатые оленеводы — кулаки — не хотели, чтобы бедные объединились в одно хозяйство. Однажды они напали на обоз, который вёз колхозникам товары, продукты, патроны, разграбили его. Оленей и нарты кулаки угнали с собой. Спаситься удалось только одному каюру — комсомольцу Тынеуги. Он предупредил об опасности учителя и колхозников. Через не-

сколько часов школа превратилась в крепость. Ребята забили дверь досками, окна заколотили ставнями.

В это время пионерский отряд разведчиков — Онтон, Люба Кеулейут, Гриша Тунгекай — дежурил на чердаке, зорко наблюдая за тундрой.

Утром Онтон сообщил:

— Идут!

Послышался один выстрел, второй.

К Ивтэку в школу вбежал заготовитель пушнины Павел Медучи.

— Я еду в Марково, дам знать об опасности, — сказал он.

— Теперь не проберёшься...

— Проберусь!

Павел ушёл.

В тот день от руки кулаков погиб председатель колхоза Айнауге. Враги ранили радиста Толю Уварова, который чинил испорченную радию, заведующего магазином, председателя сельсовета.

— Мы уйдём, — кричали кулаки, — скажите, куда ваши пастухи угнали колхозное стадо?

Враги хотели поджечь школу, но Ивтэк и Гриша Тунгекай обстреляли их.

Павел Медучи всё-таки сумел проскользнуть мимо кулаков. Из Маркова подросла помощь.

— Это было давно, — задумчиво говорит Ивтэк, — теперь нашего колхоза не узнать. Самый богатый в округе.

...Наш путь лежит к селу Марково, древнему русскому селению. Вот и оно!

Сразу трудно уловить разницу в климате между Анадырем и Марковым. Но жители села считают, что они живут на «юге». Здесь можно заниматься огородничеством: сажать картофель, свёклу, капусту. И пейзаж тут другой. Колхозники на тракторах

развозят навоз на поля. За рекой виднеется лес, пусть низкорослый, редкий, как раздвинутые пальцы рук, но лес.

В школе, куда я зашёл, сразу же сообщили, что она необыкновенная. В ней учился... Павлик Морозов. Заметив на моём лице удивление, ребята засмеялись:

— Это наш Павлик Морозов, чукотский.

— Он погиб?

— Нет! Вам Ольга Петровна о Павлике может рассказать, она учила его.

Ольга Петровна Матвеевко, заслуженная учительница РСФСР, рассказывала удивительную историю.

Чукотского мальчика звали вовсе не Павликом. Никто не помнил его настоящего имени.

Отец мальчика — богатый оленевод, кулак. Он много навредил Советской власти. А однажды со своими пособниками расправился сразу с тремя активистами колхоза. Но кулак был хитрый, как лиса. Люди долго не могли догадаться, кто творит у них чёрные дела. Сына кулак держал постоянно в яранге, зорко следя за ним. Однако мальчику удалось убежать. Он нашёл русских людей, рассказал им про убийство. Паренёк даже показал место, где спрятаны тела убитых активистов. Отца арестовали, а чукотский мальчик стал воспитываться в детском доме. Вот тогда ему и дали новое имя и фамилию в память о русском пионере-герое Павлике Морозове.

— Сейчас он уже сам работает учителем, — закончила рассказ Ольга Петровна. — В далёком Уэлене...

...Марковские школьники — первые помощники взрослых. В дружине работает кружок юных оленеводов. Зимой ребята учатся бросать чаут — аркан, перевязывать раненого оленя. Летом все кружковцы разъезжают по тундре. Не раз Ване Ивкэва, Кавье, Вуквукай приходилось вступать в поединок с волком. Но ребята не из трусливых. Однажды одного такого ночного гостя они так извозили палками, что тот еле ноги уволок.

— Трудно иногда приходится?

— Всяко бывает... Только мы те-

перь опасные участки самым ловким поручаем.

— Как же вы такого узнаёте?

— Соревнование проводим... Приходите завтра на «Праздник оленя», сами увидите.

«День оленя» — традиционный праздник чукотских тружеников.

Самые ловкие и сильные выходят помериться силами, смелостью. Так было и в этот день. На льду реки собрались десятки оленьих упряжек. Они приехали из самых отдалённых колхозов. Ровно в 12 часов на старте выстраиваются 27 упряжек. Выстрел! Облако пыли от копыт покрывает голобы, плечи зрителей. Олени, вытянув шею, несутся стремительно и красиво. 24 километра предстоит пробежать им.

Показалась первая упряжка. Зрители заволновались... Нарта неожиданно зацепилась за корень и перевернулась. Олень исчез за перелеском. Хорошо, если его удастся поймать! Часто приходится поступать иначе — убивать беглеца в тундре с самолёта. Ведь одичавший олень может увести куда угодно колхозное стадо.

Показались олени Теркинто и Пеляургына. Они — соперники. Вперёд вырвался Пеляургын. Как ни старался его догнать Теркинто, ничего не получилось...

Вместе со взрослыми соревнуются и ребята. Олени бросают чаут — аркан. На высоком столбе подвешен деревянный шар — «голова оленя». В воздух со свистом взвиваются арканы. Кто поймает шар — «голову» своим чаутом? Особенно мастерски бросает петлю восьмиклассник Эйнеутегин. Его аркан почти не знает промаха.

Между тем около Дома культуры образовалась арена сильных.

На снегу, разрыхлённом граблями, получился «снежный ковёр». На «ковёр» выходят Алин и Эчетко... Они обнажены по пояс, но им, видимо, совсем не холодно. Бойцы натираются снегом и начинают сходитьсь.

Чукотская борьба имеет свою особенность. Здесь нет весовых категорий, возрастных групп. Победа присуждается тому, кто сумеет побороть всех выступающих борцов. От спин

поднимается пар, слышатся возбуждённые крики зрителей. Алин кладёт Эчетко на лопатки. Судья поднимает руку победителя. Но это ещё не победа. Ещё пять борцов выходят на «ковёр», и снова Алин укладывает их на снег. Он стоит в кругу, словно непобедимый сказочный богатырь...

...Много было впечатлений, встреч, но просьба художника — найти ярангу — не давала покоя. Как-то в колхозе имени Жданова я отправился в дальнюю бригаду. И, представьте, почти наткнулся на ярангу. Смешно, но я обрадовался ей, как ценной исторической находке. Яранга была покрыта оленьими шкурами, сверху вился дымок очага. Это жилище прошлого, как замарашка, стыдливо пряталось в кустарнике. А вокруг него стояли добротные рубленые дома колхозников.

Заметив, что я фотографирую ярангу, ко мне подошёл смуглолицый юноша-чукча с маленьким мальчиком.

— Зачем вы снимаете? — спросил юноша.

— Ай, как плохо думает художник о Чукотке, — сказал мой знакомый, выслушав объяснение, — зачем вспоминать прошлое? Погляди, какая жизнь вокруг!

— А кто живёт в яранге?

— Я с братом Тейвином и мать.

В прошлом году, оказывается, Тейчиу — так звали юношу — давали дом, но старая мать заупрямилась. Не может оставить дымного очага.

— Теперь её слушать не буду, — сказал Тейчиу. — Хочу в доме жить,

как все. Вон их сколько строят!..

...В первый же день приезда меня встретил знакомый художник:

— Ну, как? Выполнил мою просьбу?

Вечером я рассказывал ему о своих впечатлениях, о замечательном чукотском народе.

Художник слушал внимательно. Потом целую неделю ходил задумчивый, серьёзный.

Когда я принёс ему снимки «старинны» — яранги, он взял их и положил на стол.

— А ведь чукотский юноша-то сказал правду. О другой Чукотке надо картины писать!

Вскоре художник уехал на Север.

КОМЕНДАНТ встал. Молча прошёлся по кабинету и, остановившись перед Гришей, тихо и даже мягко сказал:

— Вы смелый. А я люблю смелость. Говорите правду, и я не только сохраню вам жизнь, но и отпущу на волю. Говорите, где остальные парашютисты из вашего десанта?

— Я вам сказал правду. А если будете приставать, не услышите больше ни слова, — отрезал Гриша.

— Что ж, выходит, в комсомол ты вступал в Германии? — перейдя на «ты» и повысив тон, спросил коммендант Младек. — Я ведь знаю, что в комсомол принимают с шест-

надцати лет. А ты в шестнадцать был в Германии. Так где же ты вступал в комсомол?

— В Бухенвальде, — спокойно ответил Гриша и отвернулся к окну.

— В Бухенвальде? — остановившись на середине кабинета, во весь голос переспросил коммендант. — Не морочьте мне голову! Чтобы в немецком концлагере была комсомольская организация! Кто же поверит?

— Не только комсомольская, но и коммунистическая, — добавил Гриша, глядя в окно.

По голубому небу, обгоняя одна другую, спешили на восток две лёгкие, светлые тучки. Грише они казались самым дорогим из всего, что осталось на свете. Они свободно плывут в тот край, куда он никогда уже не попадёт.

Захотелось жить. Так захотелось жить!..

Но перед глазами чернели толстые железные решётки, а по сторонам стояли враги.

Окончание. Начало см. «Искорку» №№ 8, 9, 10 и 11 за 1958 г.

Краткое содержание предыдущих глав

Из фашистского лагеря Бухенвальда бежали русский Григорий Кравцов и словак-коммунист Вацлав Гудба. В дороге Вацлав умер. Перед смертью он поручил Григорию разыскать Яна Ковача и предупредить его, что Цотак предатель. По заданию гардистов, Цотак ищет «Валашку Яношика» — подпольную типографию коммунистов.

Умирая, Вацлав назвал ещё какую-то фамилию, но так тихо, что Григорий не расслышал.

В Малых Татрах, на родине Вацлава, Григорий случайно встретил трёх подростков — Цирила, Ёжу и Тоно. Отец Цирила и оказался Ковачем, которого Григорий разыскивал. Но гардисты опередили Григория — больного Ковача они избили и потащили в лес.

Григорий перебил гардистов и освободил Ковача, но было уже поздно: Ян умер. Григорию при помощи мальчиков удалось скрыться у бачи Франтишка.

Комendant местной полиции Младек живёт одной мыслью — разгромить «Валашку Яношика». Но как найти подпольную типографию? Он надеялся достичь этого с помощью бывшего учителя Маречека.

На одной из лесных деланок работают лесорубы. К ним подошёл местный лесничий Ярослав Кошик. Началось партийное собрание. Нужно выделить одного человека в типографию. Но кого? После недолгих споров собрание решило освободить от работы по слежке за полицией Маречека и направить его в типографию.

Григорий и Ёжо узнают, что бача Франтишек арестован. Григорий уже знает, что бача это и есть тот Лонгавер, фамилию которого прошептал перед смертью Вацлав. У Григория появляется мысль освободить бачу, чтобы передать доверенную тайну. Прикинувшись глухонемым, он проникает в дом к комendantу, рассчитывая вынудить его дать распоряжение об освобождении Франтишка. Однако удачно задуманная операция срывается, и Григорий оказывается в той самой камере, где сидит бача.

Утром бачу вызвали на допрос. Когда он возвратился, Григорий, улучив удобный момент, передаёт ему всё, что просил Вацлав Гудба.

— Цотак — предатель? — переспросил с недоверием Лонгавер и спросил, что случилось с Гудбой. Но Григорий не успел рассказать: его увели на допрос. Многих людей вызывали гардисты, чтобы установить личность Григория, и под конец ввели бачу. После нескольких безуспешных вопросов полицейские стали избивать его резиновыми плётками. «Убьют! — ударила в голову Гриши мысль. — Он не сможет передать на волю тайну Вацлава Гудбы! Предатель останется нераскрытым!»

Григорий не вытерпел. Он бросился к комendantу и сказал, что он русский, бежал из Германии...

КОШИК и Маречек шли по двору лесопилки. Кошик был чем-то очень озабочен. А Маречек, одетый по-праздничному в светло-серый костюм, в модельных бежевых туфлях, чувствовал себя именинником. Улыбался он веселее обычного. Говорил приподнято и даже восторженно.

— Хорошая штука эта пилорама, — сказал горар вполголоса и первым вошёл под тесовый навес лесопилки. — Просто жалко расставаться с таким местом. Вместе с досками отсюда совершенно незаметно развозили то, что хлопцы на-

печатают за ночь. А на новом месте с перевозкой печатного материала будет труднее. Ты это хорошо обмозгуй, Маречек.

— За меня не бойся, — ответил Маречек, удивляясь тому, как он, живя рядом с лесопилкой, ни разу не подумал, что под нею что-то скрывается. И невольно Маречек вспомнил, как радовалось начальство этой пилораме. Сколько подняли тогда шума в газетах! Это было в первые дни прихода фашистов к власти. Кошик сам предложил поставить пилораму, чтобы и их местечко активно включилось в строи-

тельство «Новой Европы». Правда, пилорама хорошо работала только в первые дни. Но начальству дорога была слава, созданная затеей горара Кошика.

Утро стояло серое, ленивое: то дождь, то туман. Рабочих ещё не было. И Кошик с Маречек занялись осмотром брёвен, заготовленных для распиловки. Уговорились так: если явится кто-то посторонний, делать вид, будто Маречек привёз для распиловки несколько брёвен, и вот они советуются. Лишь когда сошлись рабочие и пустили пилораму, Кошик и Маречек вошли в столярную мастерскую, пристроенную к лесопилке. Здесь работал брат наборщика Ондра Кралик. Кроме горара, Лонгавера и погибшего Яна Ковача, он один знал о том, где находится типография, потому что сам оборудовал вход в неё.

— Добрый день, Ондра, — входя первым, сказал Кошик. — Вот пан Маречек хочет заказать себе кое-какую мебель. Так ты ему покажи образцы. Пусть выберет.

Из всей этой длинной фразы Ондра Кралик взял во внимание только одно слово «покажи». Это означало, что надо провести товарища в типографию. Кралик равнодушно склонил голову и попросил Мареч

чека посидеть немножко, так как должен прийти посторонний человек — заказчик за готовым креслом.

Кошик вышел, чтобы подготовить машину к перевозке шрифтов и печатного станка, который Маречек и наборщик Лацо должны будут сейчас разобрать и уложить в длинный тесовый ящик.

Больше всего Кошик боялся за исход погрузки этого ящика. Необычайно тяжёлый, неуклюжий, он может обратить на себя внимание полицейских. А они, в форме и переодетые, так и шныряют сегодня повсюду.

Возле пилорамы к Кошику подошла жена:

— Ты что не идёшь завтракать? Всё остыло.

— Не хочется. Я попозже.

Но жена, взяв его за руку, толкнула под локоть и, нарочито громко и весело здороваясь с рабочими, повела домой. Кошик понял, что жена зовёт его неспроста, и, уходя, пообещал Маречеку скоро вернуться.

— Что случилось? — спросил он, когда спустились на тропинку, ведущую к его дому.

— Служанка коменданта пришла. Она была в комендатуре. Видела Лонгавера. Он передал какие-то деньги. Просил срочно вручить их тебе лично.

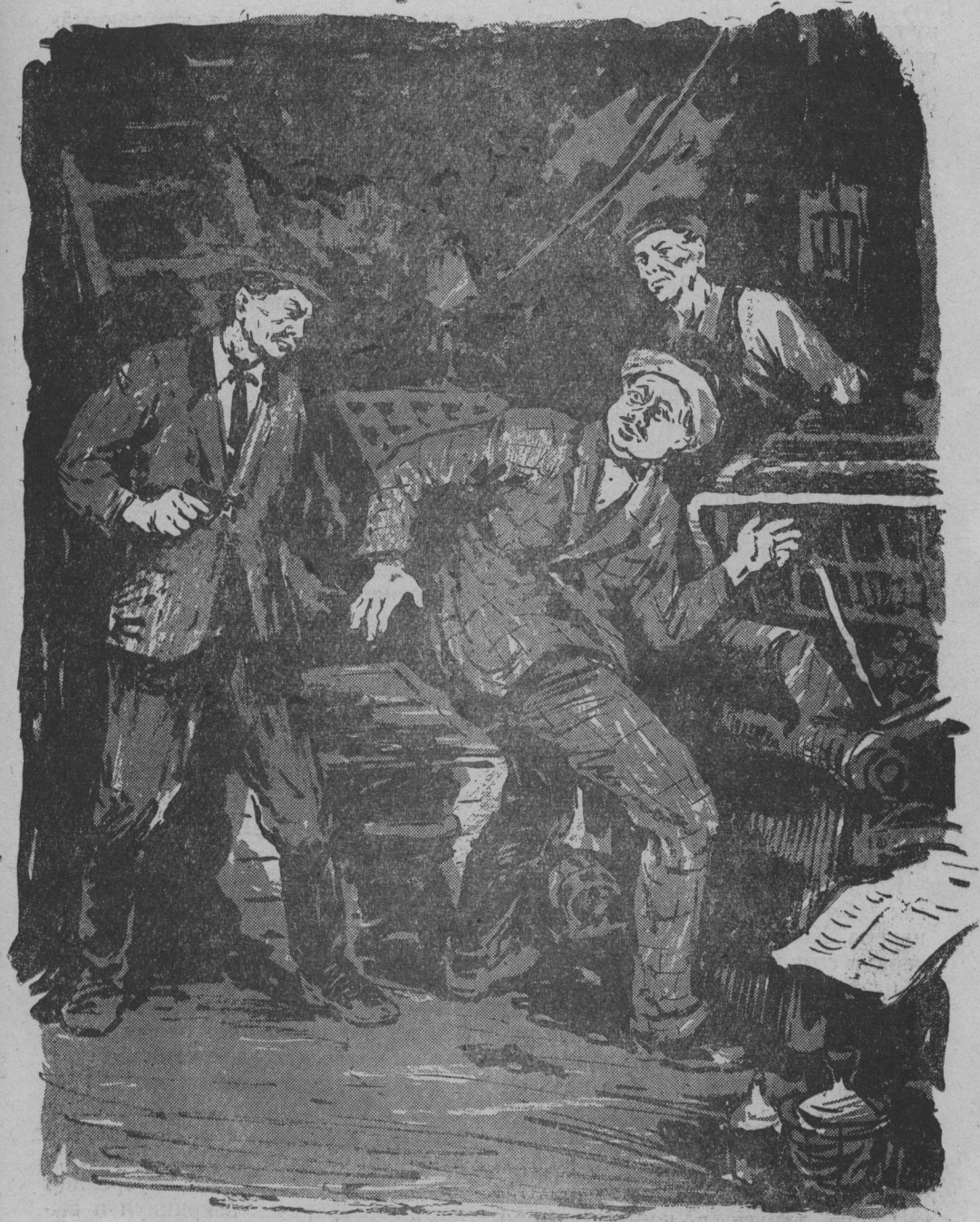
— Деньги? — удивлённо и будто бы даже испуганно переспросил Кошик. Но тут же сообразил, улыбнулся и непринуждённо заметил: — Вот старик!.. Петля на шее, а он о долгах...

Божена ожидала на крыльце и в комнату войти отказалась, объяснив, что она давно уже из дому и пани будет ругать. С этими словами девушка протянула Кошику несколько старых, свёрнутых в трубку бумажек. Горар, не считая, сунул деньги в карман и спросил, зачем она ходила в комендатуру.

— Носила баче Франтишеку завтрак. Там ведь так кормят, что с голоду умрёшь.

— Как же ты пробралась, ведь передачи запрещены?

— Я надула дежурного полиция, побожилась, что пан комендант разрешил.

— А вдруг он спросит коменданта?

— Побоится! Я, когда уходила, призналась этому оболтусу, что обманула. Но, говорю, лучше не жа-

луйся коменданту, а то тебе же и влетит!

— Ох, и дипломатка! Баца ничего не сказал?

— Вслух, наверное, для отвода глаз, он попросил, чтоб на эти деньги я купила ему курева и вина. А потихоньку шепнул: это долг па-

ну горару за лес для сарайчика. Передай сейчас же прямо ему в руки. Даже повторил и просил не забыть, что за лес для сарайчика...

Божена убежала, а Кошик тут же пошёл в сарайчик возле дома. Каждое слово Лонгавера было для него полно особого, понятного только ему одному смысла. В сарайчике Кошик развернул деньги и начал их просматривать. Всего насчитал двести сорок одну крону купюрами разных достоинств.

Больше всего оказалось пятёрок и десятков. На некоторых из них он увидел цифры, написанные карандашом. Часто бывает, люди записывают свои расходы прямо на деньгах. На одной пятёрке Кошик увидел вычисление: $25 + 96 = 123$. На то, что сумма от сложения чисел была неправильной, он даже не обратил внимания. Его интересовало другое. Каждую цифру горар заменял соответствующей буквой шифра.

На засаленной и забрызганной чернильными пятнами пятёрке не было ничего написано. Однако расположенные кружочком пятна тоже были полны смысла. Цифры, выведенные химическим и красным карандашами, оказались ещё на двух бумажках.

Когда всё написанное на деньгах было переведено на язык шифра, Кошику показалось, что он теряет сознание или сходит с ума. Он держал в руках деньги и смотрел на них, как на врага, который уже занёс нож, и удара отвести невозможно. И вдруг, скомкав деньги, Кошик прошептал: «Но ведь он только сейчас узнал, где находится типография! Сообщить коменданту он ещё не успел. Значит, его нельзя выпускать из подземелья!»

Сунув деньги в карман, горар быстро направился было из сарая, но опять остановился: «Сегодня шпики следят за каждым моим шагом. Это ясно. Значит, горячиться нельзя...»

Деньги Кошик съёл и вернулся в дом. Выпил чашку кофе и, внешне спокойный, отправился на лесопилку.

МАЛЕНЬКИЙ, ярко освещённый электролампой подвал. В углу за наборной кассой стоит Лацо. Возле него — Маречек. Объяснив, как набирается текст, Лацо переходит к печатной машине, «американке».

— Тем же током, каким освещаются дома гардистов, работает и наша типография?! — восторгается Маречек.

— Это всё мой брат оборудовал! — с гордостью отвечает Лацо.

Где-то в углу чуть слышно звякнул звонок.

Лацо выключил свет, и тотчас в потолке открылся люк, через который проник сюда Маречек.

В подземелье спустился горар, и свет снова зажёгся.

— Ну как, Маречек, не пугает тебя такое некомфортабельное помещение? — весело спросил Кошик.

— Что вы, товарищ Кошик! Я готов выполнить любое задание партии. А такое — тем более.

— Значит, даёшь согласие? Тогда сейчас же впрягайся. Помоги всё упаковать и перевезти. Шофёру передай свой пистолет. Ему он нужнее, чем тебе. — И Кошик решительно протянул руку. — Дай я сам ему отдам.

— Успеется, — вяло ответил Маречек и полез к станку, который Лацо уже начал разбирать.

— Пистолет шофёру нужен сейчас! — строго повторил Кошик.

Маречек наклонился и, делая вид, что не придаёт этому особого значения, полез в задний карман брюк.

Вынимая пистолет, он ещё в кармане взвёл курок. Но Кошик это заметил и ударил его по руке маленьким чёрным пистолетом, хранившимся у него во внутреннем кармане. Маречек вскрикнул и выронил оружие.

— Сядь! — наставив на него пистолет, сказал Кошик. — За тобой ящик. Садись!

Маречек сел и левой рукой достал из кармана платочек.

— Лацо, поднимите пистолет и пишите протокол допроса, — потребовал Кошик.

— Допроса? — недоуменно переспросили в один голос и Маречек и наборщик.

— Скажите, Дюро Маречек, какая партийная кличка была у вас при Вацлаве Гудбе?

— Цотак.

— Совершенно верно. Вы работали с ним дружно?

— Очень. Вацлав любил меня и доверял. Не то, что вы.

— Вот эта доверчивость и погубила его.

— Да что с тобой, Яро? Ты какой-то сегодня...

— Вот что, Маречек, — перебил Кошик, — каждая минута на счету. Говори прямо и коротко, если хочешь жить. Знает полиция, что типография находится здесь или нет?

— Не знает. Ничего не знает. Да я и сам не подозревал до последнего часа.

— Но ты же позавчера сам сказал, что комендант пронюхал, где находится «Валашка Яношика».

— Я вынужден был это сказать. Иначе мне там перестали бы доверять.

— Ещё один вопрос: за тобой сегодня следят?

— По опушке леса прогуливается толстый пан в клетчатом костюме. Он от коменданта, — ответил Маречек-Цотак, вытирая платочком лицо.

— В таком случае мы должны увести тебя отсюда тайно.

— Куда вы меня повезёте? — вскочил Маречек-Цотак.

— Вы же сами понимаете, что ваше дело требует тщательного расследования.

— Товарищ Кошик, я многое знаю. Я могу помочь. Отправьте меня в ЦК! — взмолился Маречек.

— Слишком далеко захотели!..

Через час шпик в клетчатом костюме, прогуливавшийся у

опушки леса и следивший в это утро за лесопилкой, собственными глазами видел, как Маречек вышел из кабельной мастерской и по тропинке отправился домой. Человек в клетчатом пошёл за ним следом по тёмной стороне улицы... Маречек двигался не спеша, как бы прогуливаясь. Шпик всё время смотрел ему в затылок.

Дальше тропинка, изгибаясь, спускалась к дороге. Здесь полицейский вынужден был столкнуться с Маречеком лицом к лицу. И только теперь шпик понял, что обознался. Он хотел было тут же вернуться назад. Но выстрел в упор уложил его на месте.

В это время неуклюжий тесовый ящик уже был погружён на автомашину и заложен сверху короткими досками для Гандловских шахт.

Автомашина ушла.

Лесопилка продолжала пожирать бревно за бревном.

Кабель, хитро пропущенный в подземелье, как и прежде, подавал электрический свет наборщику и энергию печатному станку, который не только не был разобран, но работал с ещё большей нагрузкой.

Всё шло, как прежде. Изменилось лишь содержимое тесового ящика. В нём увезли Маречек-Цотака.

7. КУДА ДЕЛСЯ МАРЕЧЕК?

— ПИШИ: 21 августа 1944 года в деревне Туречка были убиты 3 гардиста... Перечисли имена, фамилии, год рождения и должность. Всё полностью. Вообще всё донесение пиши подробнее. Пан полковник любит обстоятельные, толковые донесения, — говорил комендант Младек секретарю, расхаживая по кабинету и потирая от удовольствия руки. — Написал?

Сутулый, тонкий секретарь в форме гардистского офицера утвердительно кивнул.

— На полицейских, находившихся при исполнении служебных обязанностей, среди бела дня напал отряд вооружённых коммунистов... Здесь перечисли имена, фамилии, год рождения всех, кто сидит сейчас в камере с русским.

— И Лонгавера? — удивлённо посмотрел секретарь.

— Всех! Дальше. Мною была организована облава, в результате которой банда из шести перечисленных коммунистов поймана. Потерь с нашей стороны нет. Легко ранен полицейский Любомир Заграда.

— Разве он ранен?

— А ты не видал, какой у него под глазом фонарь и как он ободран?

— Так это ж он пьяный свалился с кручи... ещё в понедельник.

— Пиши, не рассуждай! — комендант нервно топнул ногой и несколько раз молча прошёлся по кабинету. — Готово?

Секретарь покорно кивнул.

— Все бандиты признали свою вину и сегодня же будут расстреляны, — комендант прихлопнул рукой по столу, что означало окончание дела. — Донесение повезёшь сейчас же.

— А может, часок подождать да сразу...

— Намекаешь на типографию? — ухмыльнулся Младек. — Ты исполнительный и аккуратный служака, Рудо, но не дипломат. Два

таких громких дела смазать в одно? Надо уметь не только работать, но и преподнести свою работу начальству. Дай ему сразу два донесения, так он второму так обрадуется, что первого и не заметит. А лучше не спеши, по порядку: сегодня в Старых Горах арестована банда, завтра в Старых Горах раскрыта подпольная типография, послезавтра ещё что-нибудь. Думаешь, этого не оценят?

Секретарь счастливо улыбнулся.

— Быть вам, пан комендант, министром! Вы хитрый, как наш фарар.

— На мотоцикл!

Комендант Младек только минутку оставался один. Дверь кабинета распахнулась, точно её ветром сорвало, и в комнату влетел запыхавшийся помощник.

— Что такое?

— Убит Матейка!

— Матейка? — выходя из-за стола, угрожающе переспросил комендант. — Как вы это могли допустить, пан Быстрицкий?

— Сегодня он был занят слежкой за Маречеком, — пояснил Быстрицкий.

— Знаю. А где Маречек?

— Пропал...

— Как пропал? Что значит — пропал?

— Нигде нет. Как в воду канул.

— Горячку пореши! Не пропал, а задерживается. Дело у него сложное...

— Разрешите доложить?

— Что ещё?

— Да я так думаю, что Маречек водил нас за нос, что он и туда и сюда. А теперь, когда Красная Армия близко, он сбежал, чтоб потом выплыть чистеньким коммунистом...

— Чистеньким? — комендант захохотал. — Не бывать ему чистеньким! Не бывать!

Большими шагами Младек мерил комнату из угла в угол.

— Да-а... Не зря меня фарар предупреждал... Ну, вот что, арест Кошика и его компании произведём ночью, после расстрела русского и шестёрки.

— Правильно, пап комендант: ночью, как кур на нашесте, а то у них такая связь, что не успеешь схватить одного, как все узнают.

ДОЖДЬ перестал. Ветер утих. Сквозь решётку смотрела белая, напуганная громами и молниями луна. Тихо на улице. Тихо, как всегда перед ожиданием чего-то самого страшного.

Когда избитого и окровавленного до неузнаваемости Гришу полицейские толкнули в камеру, заключённые сразу же кинулись на помощь. Но он отказался от всякой помощи. Подполз к окну, медленно поднялся и, ухватившись за холодные толстые прутья решётки, молча прилип к стеклу.

Кто-то дал ему воды. Гриша залпом выпил целую кружку. Кто-то промыл на голове рану и перевязал. А он стоял, с жадностью глядя в окно, за которым навсегда осталась свобода.

Свобода!

Как дорого это слово для тех, кто попал за решётку, и как не ценят её те, за кем никогда не закрывалась тюремная дверь.

Свобода!

Сколько раз Гриша попадал в такие обстоятельства, что самым дорогим на свете оставалась только свобода. Но раньше получалось так, что находилась какая-то щёлка, через которую сначала пробивался маленький дерзкий луч надежды, а потом приходило и спасение...

А теперь?

Теперь конец. Комендант всё понял. Допрашивать больше не станет. И, наверно, в эту же ночь расстреляют...

Почему-то вспомнилась старая тюремная песня, которую он слышал когда-то от бабушки. На ум пришли именно те слова, где привратник отвечает старушке, принесшей передачу:

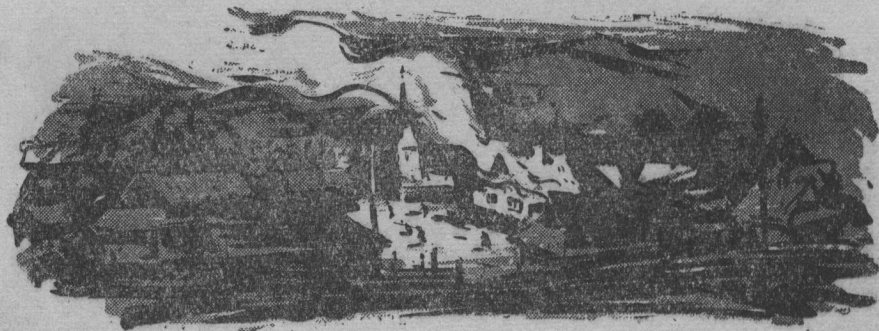
*Твой сынок вчера расстрелян
У тюремной у стены.*

*Когда приговор читали,
Знали звёздочки одни.*

Никто на родине не узнает, когда, за что и где он погиб. А дубок-то на могиле у мамы я так и не посадил. Ничего, посажу...

Гриша поймал себя на том, что мысли его прыгают с одного пред-

мета на другой, словно кадры порвавшейся киноленты. Но сосредоточиться уже не мог... Где сейчас Толя Чинарёв? Наверно, совсем заросли следы нашей клятвы на дубе? А Галя? Где она теперь?

В коридоре раздались крики и топот десятка сапог. Потом команда: «строиться!» и снова тишина. Только чуть слышно доносился голос коменданта, отдававшего распоряжения.

Гриша, всё так же держась за решётку, повернул лицо к нарам, где в абсолютной тьме шептались заключённые.

Говорить было трудно, в лёгких что-то обрывалось и начинался кашель с кровью. Но Гриша всё же решил заговорить. Заговорить как можно спокойнее, увереннее, чтоб никто не подумал, что он смирился перед врагами, боится смерти.

— Товарищи! Это за нами... На расстрел.

Гробовое молчание.

— Уговор: не хныкать перед смертью... А то эти гады будут радоваться.

— Мы... будем петь, — ответил Лонгавер. — Будем петь Интернационал.

— Петь... петь... — шептал Гриша, чувствуя, что сейчас раскашляется..

БОЖЕНА проснулась от громкого, настойчивого стука в окно. Вскочила и прильнула к холодному стеклу. За окном, как тогда в дождь, стоял Ежо. Божена на цыпочках выбежала на кухню.

Открыла дверь коридорчика.

— Входи! — шепнула в темноту.

— Я не один. Нас трое, — ответил Ежо.

— Чего же не сказал, я не одета.

— Одевайся скорее и забирай всё своё, — войдя в коридорчик, прошептал Ежо.

— Почему? — испугалась Божена. — Ты с партизанами? Они хотят убить коменданта? Его нет дома.

— Знаем. Сейчас мы ему дадим сигнал, и он прибежит. Да одевайся же быстрее!

— Торопись, Ежо! — послышалось из-за двери. — Пора!

— Начинайте! — ответил Ежо и спросил сестру, где жена коменданта и дети.

— Спят, — ответила Божена.

— Покажи, где они. Я их выведу из дому...

ЗАКЛЮЧЕННЫЕ тихо, но дружно пели Интернационал. Словаки на своём языке, Гриша порусски, кто-то в углу по-мадьярски.

И вдруг в коридоре с шумом распахнулась дверь, послышался срывающийся голос полицейского:

— Горит дом пана коменданта! Все на пожар!

Заклучённые умолкли, прислушиваясь к выкрикам гардистов, осата-нелому топоту кованых сапог, лязгу оружия, стуку наружной двери комендатуры. Но вот разом всё смолкло, и в комендатуре наступила гробовая тишина.

А двор уже светился заревом пожара. В камере стало так светло, что заключённые увидели недоуменные лица друг друга.

Едрог где-то на краю местечка

раздался винтовочный выстрел. Второй, третий. Потом, как простуженный пёс, забухал пулемёт. Пулемёт умолк, и почти сразу в коридоре комендатуры опять раздался топот ног. Вбежало, вероятно, человек пять. Двое протопали в дежурку, и там слышались выстрелы.

В следующую минуту в дверях камеры загремели ключи. Дверь настежь распахнулась. На пороге с карманным фонарём в одной руке и пистолетом в другой появился горар Кошик.

— Быстрее, товарищи! — махнул он пистолетом. — Где русский?

Видя, что Гриша не в силах сдвинуться с места, двое заключённых подхватили его и понесли к выходу...

Пулемёт умолк совсем лишь тогда, когда освобождённые из заключения вышли на край местечка.

Дом коменданта разгорался. Но теперь уже никто не пытался его тушить. Улица, освещённая заревом пожара, оставалась пустынной и молчаливой до самого утра.

ВЕЧЕРЕЛО. На камне перед пещерой, близ разорённого когда-то орлиного гнезда, сидел Гриша и, поглядывая на парящих в небе орлят, чистил винтовку.

Старик Лонгавер ломал хворост и по палочке бросал в огонь.

А Божена, присев на корточки в углу пещеры, мешала в миске тесто на галушки.

Под горой слышались весёлые голоса ребят.

— Вот они, яношиковцы, — с добродушной улыбкой сказал Лонгавер. — Теперь уж мне несдобровать.

— А что? — удивился Гриша.

— Так это ж бегут друзья Цирила Ковача! Сейчас пристанут, давай, бача, показывай, где спрятана валашка Яношика.

— Как же быть? — растерялся Гриша. — Они так вам верят!

— погоди, — загадочно подняв палец, сказал старик. — Я их не подведу.

Шумной ватагой ребята подбежали к костру и смолкли.

— Дедушка Франтишек, — заговорил, наконец, Цирил, — вы обещали помочь нам найти валашку Яношика.

— Правду говоришь. Обещал, — серьёзно ответил бача.

Он не спеша достал из-за пазухи небольшую листовку и подал её Цирилу:

— Вот она.

Цирил недоуменно посмотрел на листовку, а Ёжо схватил её и начал громко читать:

«Братья словаки! Двадцать восьмого августа был освобождён от фашистов город Турчанский Святый Мартин.

Двадцать девятого утром партизаны взяли Ружемберг.

Бейте гардистов! Уничтожайте их беспощадно! Идите в партизанские отряды!»

— Эх, ты! — воскликнул Цирил и выхватил листовку из рук друга. — Дедушка Франтишек, вот бы эту листовку в Братиславу на дом самого Тиссо!

— Да-а, было бы! — воскликнул Тоно.

— В Братиславу вам не попасть, а вот по сёлам вокруг Батеван неплохо бы разнести. — И Лонгавер выложил перед ребятами большую пачку листовок. — Вот вам и валашка Яношика!

— Для гардистов это куда страшнее валашки! — горячо воскликнул Ёжо.

— Мы сейчас же пойдём!

— Пойдёмте вместе.

— Ты не пойдёшь домой, в Рос-

сию? — обрадовался бача Лонгавер.

— Куда ж идти, раз ребята пошли, наконец, валашку Яношика! — развёл Гриша руками. — Теперь вместе будем бить фашистов.

— А вы откуда узнали, что мы искали валашку Яношика? — удивлённо спросил Цирил и, нахмурившись, исподлобья глянул на Ёжу.

— Думаешь, Ёжо проболтался? — Гриша загадочно улыбнулся. — Нет. Мне орлята рассказали.

И ребята невольно посмотрели в небо, где гордо парили два больших, уже не похожих на птенцов, орла.

ГРИША сидел на камне. Бача полулежал у костра. А Божена и ребята спали в углу пещеры.

Где-то за рекой высоко в горах появился огонёк. Сперва он колебался, набирая силу, а потом бойко вспыхнул. За ним, на другой горе, загорелся второй, потом третий, четвёртый...

— Что за огни? — спросил Гриша старика.

— Партизанские, — тихо ответил Лонгавер и смачно пососал свою трубку. — Это только начало. Костры эти только разгораются... С каждым днём их будет всё больше и больше. А придёт время, сольются они в большой, неугасимый пожар. И пожар этот пожрёт всё нечистое, что пришло на нашу славянскую землю...

Пётр Бурунов

В 1931 году в журнале «Шашки в массы» была опубликована статья под названием «Сказочная быль».

Автор статьи Н. Миклашевский рассказал о тяжёлой судьбе шашечного умельца Петра Бурунова в условиях царской России.

В дальнейшем удалось собрать новые сведения о жизни и работе замечательного шашкиста.

ТАИНСТВЕННЫЙ ВЫЗОВ

В 1896 году сильнейшие шашкисты Москвы были очень удивлены вызовом, который был сделан из далёкой Сибири. Вызов Москве,

сильнейшему в то время шашечному городу, на матч в шашки по переписке, да на крупную денежную ставку в 500 рублей!

Вызов был принят московскими мастерами. В Сибирь было послано согласие на матч.

Но матч не состоялся, потому что из Сибири никто не откликнулся. Чем объяснить это молчание? Тогда это так и не удалось выяснить.

ТУЛЬСКИЙ УМЕЛЕЦ

В Туле на одном из заводов работал Пётр Бурунов. Он славился тем, что никто не мог одолеть

его за шашечной доской.

Однажды на ярмарке, которая ежегодно устраивалась в Туле, он при всём честном народе обыграл в шашки своего хозяина, владельца нескольких фабрик и заводов. Хозяин был очень гордый человек и, отозвав в сторону своего рабочего, он предложил ему:

— Послушай, Петруша, вот тебе 25 рублей, проиграй мне хоть одну партию.

На это Бурунов ему ответил:

— Нет, хозяин, своим талантом я не торгую.

Хозяин очень рассердился, погрозил ему

Рис. Ю. Шабанова

пальцем и сквозь зубы промолвил: «Ну, ладно, ты меня ещё попомнишь!» И действительно Петру пришлось через несколько дней вспомнить своего хозяина. Его обвинили в краже инструмента из мастерской завода, и он был арестован. Ни в чём не повинного Петра Бурунова судил тульский губернский суд. Он был приговорён к каторжным работам с ссылкой в Сибирь.

**В СИБИРЬ,
НА КАТОРГУ**
ЗАКЛЮЧЕННЫЙ в кандалы, вместе с этапом каторжан Бурунов прошёл тысячи вёрст по суровой, заснеженной Сибири. Он был заключён в угрюмых стенах одной из её страшных тюрем. Сквозь мучения и невзгоды он пронёс большую любовь

к простой, но мудрой народной шашечной игре. Во время пребывания Петра Бурунова в этой тюрьме произошёл следующий случай. Одного заключённого в наказание должны были пороть. За ним пришёл надзиратель в сопровождении начальника тюрьмы. Им представилась следующая картина: Бурунов и тот, кого должны были выпороть, играли в шашки на нарах. Доска была вычерчена каким-то острым предметом, а шашки сделаны из хлебного мякиша. Остальные заключённые толпились вокруг и наблюдали за игрой.

Вошедших никто не заметил. Начальник тюрьмы, бывший также большим любителем шашек, заинтересовался игрою. В тот момент противник Бурунова со-

вершил какой-то промах. Пётр этим воспользовался и при помощи многоходовой комбинации уничтожил мгновенно все шашки своего противника.

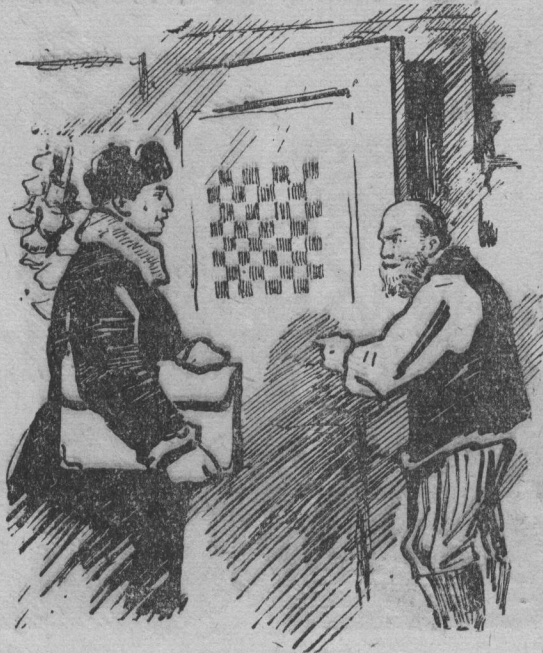
Начальник тюрьмы слышал о Бурунове, но своими глазами видел его игру впервые, и поэтому он захотел обязательно сыграть с ним. Но играть с заключённым в камере неудобно.

Оба, Бурунов и его противник, увлечшись игрой, не встали, когда вошло начальство, а это строго запрещалось по тюремным правилам. На этом основании их обоих увели в канцелярию тюрьмы. Наказание в тюрьме было одно — порка. Они уже приготовились вынести эту унижительную экзекуцию. Каково же было удивление Бурунова, когда он услышал предложение начальника сыграть в шашки.

Бурунов согласился сыграть, но поставил условие: пока он не проиграет партии, его товарищ не подвергнется унижительному наказанию.

— Ладно, — ответил самоуверенный начальник тюрьмы, — но если ты проиграешь, то я прикажу выпороть и тебя.

На том они и порешили. Партия шла за партией, играли всю ночь. Ни одной партии начальник у Бурунова выиграть не сумел. Таким образом в этот день порка не состоялась. Начальник сдержал своё слово.

КТО ЖЕ ПОСЛАЛ ВЫЗОВ?

ПРОШЛО немного времени, и слава о Бурунове выпорхнула за высокие тюремные стены. Дошла она и до известного сибирского миллионера купца А. Ф. Второва. Яростный любитель и знаток шашечной игры, он, услышав о Бурунове, решил во что бы то ни стало с ним встретиться за доской.

После переговоров с губернатором Сибири, подкреплённых крупной денежной взяткой, Второву удалось взять на поруки Петра Бурунова. Замечательного шашкиста администрация перевела в разряд вечных поселенцев.

В первой же встрече за доской Бурунов разгромил Второва. Купец назначил его приказчиком в один из своих многочисленных магазинов. Дальнейшие шашечные встречи заканчивались также неудачно для маститого хозяина: он всегда бывал бит.

У купца возникла мысль использовать недюжинный талант Бурунова для того, чтобы обрести всероссийскую славу, а при случае заработать ещё и деньги. И вот через одного из своих конторщиков Второв послал знаменитый вызов московским мастерам. Причём он даже не предупредил Бурунова о том, что тому предстоит играть матч с сильнейшими противниками. А предупредить следовало. Бурунову надоело жить на чужбине, и он бежал из Сибири в далёкую Россию. Между тем вызов был принят, но Бурунова на месте не оказалось, а сам Второв играть такой ответственный матч не решился. Через несколько месяцев виновник сорванного матча был пойман где-то недалеко от Урала и доставлен этаким образом обратно.

ЛЮБИМАЯ ИГРА

Как же удалось узнать эту интересную историю?

Известный шашист

Миклашевский часто по делам службы бывал в различных городах и сёлах Сибири. В 1930 году ему пришлось заночевать в селе Артышево, Томской железной дороги.

Постучав в первую попавшуюся избу, он попросился переночевать. Навстречу ему вышел сторбленный старик и, гостеприимно распахнув перед ним дверь, повёл его в просторную комнату. На дверях этой комнаты была нарисована шашечная доска.

На вопрос: «Ты что, дедушка, в шашки играть любишь?» последовал ответ: «Эх, сынок, да ежели бы ты знал, эти шашки меня в Сибирь, на каторгу привели».

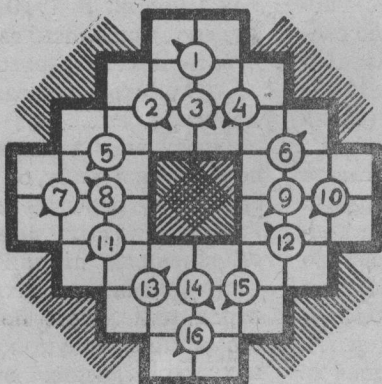
Старик оказался тем Петром Буруновым, который через всю свою многострадальную жизнь пронёс большую любовь к мудрой народной игре. Ему было 85 лет.

Б. ГЕРЦЕНЗОН,
мастер спорта СССР
по шашкам

ЦИКЛИЧЕСКИЙ КРОССВОРД

Начиная с клеток, отмеченных «колышками», впишите по часовой стрелке в квадраты фигуры шестнадцать четырёхбуквенных слов: 1. Насекомоядное млекопитающее. 2. Огородный сорняк. 3. Настольная игра. 4. Самый крупный из обитателей нашего леса.

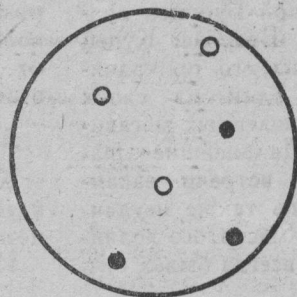
Отдел ведёт В. Акентьев

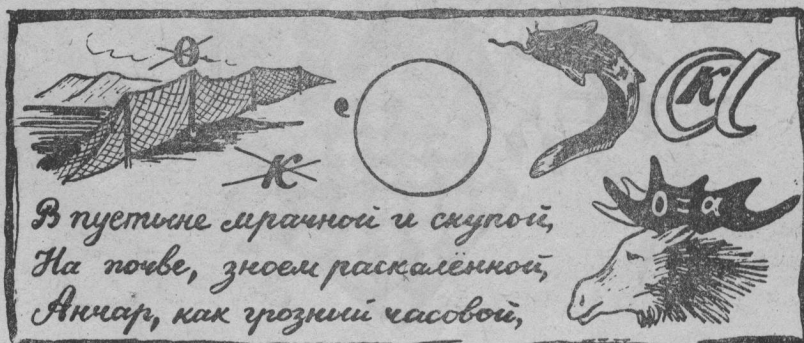
5. Сельскохозяйственное орудие. 6. Нота. 7. Кормовая трава — «мышинный горошек». 8. Приток Волги. 9. Шахматная фигура. 10. Музыкальный знак. 11. Южноамериканское вьючное животное из семейства верблюдовых. 12. Вид метеорологических осадков. 13. Хищная ночная птица. 14. Водяные капли, осаждающиеся на растениях при понижении температуры. 15. Мясное или овощное блюдо. 16. Площадка для игры в теннис.

НА ТРИ ЧАСТИ

Разделите круг на три части, равные по величине и по форме, но так, чтобы в каждой части было по одному белому и по одному чёрному кружку.

РЕБУС

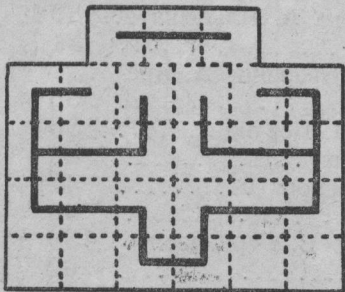
ЦИКЛОМОЗАИКА

(Составил В. Грязев)

Вокруг каждой цифры, начиная с клетки, отмеченной «колышком», впишите по часовой стрелке девять четырёхбуквенных слов: 1. Дерево. 2. Герой древнегреческой мифологии — юноша, поднявшийся на крыльях к солнцу. 3. Буква славянского алфавита. 4. Основание. 5. Домашнее животное. 6. Поперечные нити ткани. 7. Рабочий-путиловец, активный участник гражданской войны, именем которого назван Старо-Петергофский проспект в Ленинграде. 8. Ограниченный участок территории. 9. Музыкальный термин.

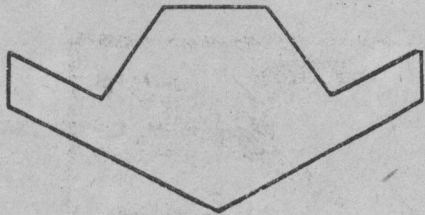
Если вы правильно впишете эти слова, то по горизонталям прочтёте четыре новых слова.

ЧТО ЗДЕСЬ НАПИСАНО?

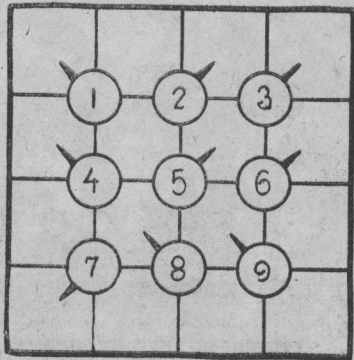

Разрежьте фигуру по пунктирным линиям на 27 квадратиков и сложите их в прямоугольник со сторонами 3×9 , но так, однако, чтобы можно было прочесть фамилию великого французского писателя.

ГЕОМЕТРИЧЕСКАЯ ЗАДАЧА

Разделите эту фигуру двумя разрезами по прямым на пять частей и сложите из них квадрат.

Проверь себя

(Ответы к «Искорке» № 11)

КРОССВОРД «СПОРТ»

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 3. Турник.
4. Партер. 7. Дистанция. 10. Бегун.
13. Катер. 14. Марафон. 15. Гонка.
16. Атлет. 18. «Торпедо». 21. Брасс.
22. Поход. 25. Мотокросс. 26. Гел-
лер. 27. Регата.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Финиш. 2. Сафин. 3. Тренер. 5. Разбег. 6. Майка. 8. Футболист. 9. Баскетбол. 11. Макаров. 12. Команда. 17. Пробег. 19. Пешка. 20 Борьба. 23. Жокей. 24. Успех.

МАГИЧЕСКИЙ КВАДРАТ

Закон, акула, кулик, олифа, на-
каз.

ЧЕТЫРЕ БУКВЫ

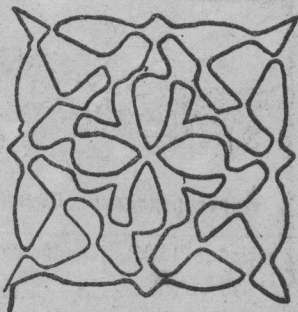
1. Дели. 2. Лида. 3. Чили. 4. Вена. 5. Иран. 6. Гори. 7. Ирак. 8. Карс. 9. Одер. 10. Лион. 11. Осло. 12. Лена.

ГОЛОВОЛОМКА

Любая подсказка — кулак, а не ласка.

ОДНИМ РОСЧЕРКОМ

Решение смотри на рисунке.

СОДЕРЖАНИЕ

Мы ждём его таким! Стихотворение Виктора Максимова	1
Ёлка на Командорах. М. Хабарова	2
Кремлёвские ели. Хозяйка. Маскарад. Дед-Мороз. «На границе». Стихотворения А. Усановой	6
Снежная баба. Загадочная картинка А. Илючека ..	8
Записки натуралиста. П. Сигунов	9
Новые приключения Аркадия Перепуткина. Л. Гаврилов, В. Суслов	12
Зимние каникулы. Песня М. Феркельмана на слова С. Фогельсона (текст — на странице 16-й)	17
Рассказы о прошлом. А. Крутецкий	18
Праздник в лесу. Лыжня. Стихотворения В. Самсонова	29
Весёлые зайцы. Загадочная картинка А. Илючека ..	30
На арене — куклы. Е. Деммени	31
Песенка про первую пятёрку. Стихотворение А. Крестьянского	35
Как муравьи отомстили за мышь. П. Петунин	36
Зима. Стихотворение Н. Филиппова	40
В поисках яранги. Очерк А. Воронкова	41
Валашка Яношика. А. Дугинец	48
Пётр Бурунов (Из истории шашек). Б. Герцензон ..	59
Клуб смекалистых ребят	62
На первой странице обложки — рисунок К. Бекташева «С горы».	
На второй странице обложки — репродукция с рисунка Н. Жукова «Ёлка в Сокольниках».	
На третьей странице обложки — фотоснимки к очерку А. Воронкова «В поисках яранги».	
На четвёртой странице обложки — рисунок К. Бекташева к стихотворению «Новые приключения Аркадия Перепуткина».	

Редактор М. С. ЗЫКОВА

Адрес редакции: Ленинград, Центр. Фонтанка, 57. Тел. А-4-48-51.

Слано в набор 13/XI. Подписано к печати 10/XII—58 г. 4 печ. листа. Уч.-изд. л. 6,09 м-36777. Заказ № 1662. Формат бумаги 70 × 108¹/₁₆. Цена 1 рубль. Тираж 75.000.

Типография им. Володарского Лениздата. Ленинград, Фонтанка, 57

В ПОИСКАХ ЯРАНГИ

В этом номере «Искры» напечатан очерк А. Воронкова «В поисках яранги».

Здесь помещены фотоснимки к очерку. Сверху (слева) — друзья встретились; справа — у этих школьников весёлое настроение.

Они направляются в клуб, где дадут концерт.

Внизу (слева) — познакомились; справа — маленький охотник доволен. Его брат убил лисицу и поручил ему донести добычу до дому.

Фото автора

К го́рчи

Цена 1 рубль

